

РЕЙЧЕЛ КЕЙН
БУМАГА И
ОГОНЬ

ЧЕМ ТЫ ГОТОВ ПОЖЕРТВОВАТЬ,
ЧТОБЫ ИЗМЕНИТЬ МИР?

Young Adult. Великая библиотека

Рейчел Кейн

Бумага и огонь

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Кейн Р.

Бумага и огонь / Р. Кейн — «Эксмо», 2016 — (Young Adult. Великая библиотека)

ISBN 978-5-04-177132-4

«Бумага и огонь» — вторая книга популярной на весь мир фэнтези-серии «Великая библиотека» Рейчел Кейн. Продолжение романа «Чернила и кости». Великая Александрийская библиотека во имя высшего блага управляет городами по всему миру и контролирует доступ к знаниям. Но Джесс Брайтвелл догадывается, какие страшные тайны скрывает Библиотека, для которой книги важнее человеческой жизни. После того как он стал солдатом элитного отряда Библиотеки, жизнь Джесса изменилась. Его возлюбленная Морган заперта в Железной башне, а лучший друг Томас погиб. Случайно Джесс узнает, что Томас, возможно, жив. Чтобы найти и спасти его, Джессу предстоит сделать трудный выбор между семьей, новыми друзьями и Библиотекой, которая готова пожертвовать чем угодно ради полного контроля над миром. «Бумага и Огонь» увлекает так сильно, что весь остальной мир перестает существовать, когда читаешь». — *Kings River Life Magazine* «Это захватывающее приключение с быстро развивающимся сюжетом от талантливой Кейн придется по вкусу всем фанатам фэнтези». — *Library Journal* Рейчел Кейн — американская писательница, автор бестселлеров по версии *New York Times*, *USA Today*, а также международных бестселлеров. Она написала более сорока книг, включая роман «Принц теней», серии «Повелители стихий», «Сезон отверженных», «Возрожденец» и «Морганвилльские вампиры».

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-177132-4

© Кейн Р., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

От автора	7
Записки	8
Глава первая	9
Записки	17
Глава вторая	18
Записки	24
Глава третья	25
Записки	43
Глава четвертая	44
Записки	62
Глава пятая	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Рейчел Кейн

Бумага и огонь

Rachel Caine

PAPER AND FIRE

PAPER AND FIRE © 2016 by Rachel Caine LLC

Перевод с английского Д. Кандалинцевой

Художественное оформление А. Андреева

Иллюстрация на переплете @elena.gudman

© Д. Кандалинцева, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Посвящается
ученым. Ученикам. Библиотекарям.
И всем тем, кто борется
за них каждый день.
Да будет свет.*

От автора

Я хочу поблагодарить многих за помощь в создании данной книги, в том числе своего мужа Р. Кэт Конрада (который был чрезвычайно терпелив в сложные времена, когда я писала данную книгу), мою чудесную помощницу Сару Вайс (по той же причине); моего агента Люсьен Дайвер (по той же причине вдвойне), а также моего редактора Энн Совардс – самого терпеливого редактора из всех.

Хочу выразить особую благодарность своим рассудительным читателям, Тез, Саре, Бекки Тайри и Саре Тайри.

Записки

Отрывок отчета, переданного по защищенной линии связи верховному архивариусу и написанного руководителем отдела Артифекса

Я полагал, вы стали мягкотелым, когда приказали нам оставить мальчишку в живых, однако он и правда оказался чрезвычайно полезен. Как вы и говорили, гениальный ум. Когда мы даем ему доступ к книгам и бумагам, что делаем в качестве награды, его комментарии и идеи относительно инженерии оказываются новаторскими. Мы запретили ему использовать стандартные средства, но предоставили мел, которым можно писать на стенах камеры, и вскоре он начал записывать очень любопытные и необычные расчеты и схемы. Они также представлены в отчете.

Он очень наблюдателен, что подтверждает охранник, которому я приказал подружиться с ним, он рассказывает солдатам об автоматизированных стражах, стоящих в тюрьме. Умный мальчишка. Он бы даже мог взломать одну из машин и использовать ее для своих нужд, если бы мы не следили за ним день и ночь.

Знаю, вы хотите оставить его в живых, однако даже спустя столько времени он хоть внешне и готов сотрудничать, но внутренне очень упрям. Я не встречал никого подобного со времен... собственно, его наставника, Кристофера Вульфа.

Однако, каким бы он ни был одаренным, я не знаю, как мы сможем всегда полностью его контролировать. Было бы куда проще убить его сейчас.

Ответ верховного архивариуса, переданный по защищенной линии связи

Ни при каких обстоятельствах я не даю вам права убивать мальчишку. У меня на него грандиозные планы.

Глава первая

Каждый день Джесс Брайтвелл проходил мимо статуи спартанца на пути в казарму и обратно. Это была красивая автоматизированная статуя, быстрая и опасная, покрытая отполированной медью. Спартанец стоял на пьедестале, замерев в движении, с копьем в руке, которое он готов был метнуть в любой момент. Статуя одновременно служила и украшением, и для защиты от потенциальных врагов.

Она не должна была представлять угрозу для служащих Библиотеки.

Сейчас же, однако, когда Джесс проходил мимо, глаза воина, скрытые под тенью его шлема, замерцали красным огнем, а потом спартанец еще и повернул голову, следя за шагами Джесса. Джесс буквально почувствовал, как эти красные глаза прожигают насквозь, однако не повернулся, чтобы посмотреть на статую в ответ. Понадобится всего лишь секунда, чтобы воин сдвинулся с места, чтобы он пронзил своим копьем Джесса. Джесс даже задумался, что именно пронзит это копье – то место на его спине, куда устремлены красные огни глаз.

«Не сейчас! – Джесс весь покрылся потом, не в силах перестать думать о кожаных ремнях под его рубашкой, к которым крепилась тонкая контрабандная книга. – Спокойно. Успокойся». Но сделать это было ужасно сложно не только из-за представлявшей реальную угрозу статуи, но из-за злости, кипевшей у него внутри. Когда Джесс прошел дальше, теплое покаяние на спине, где застыл красный взгляд воина, обратилось в жар. Джесс уже был готов к тому, что услышит каменные шаги, а потом ощутит удар пронзающего его тело копья... Однако он сделал шаг, потом еще один и еще, но никто на него не напал.

Когда Джесс наконец оглянулся, то увидел, что воин принял свое первоначальное положение, отвернул голову и смотрел теперь перед собой. Казалось, он был в безопасности. Нет, не был. Выжить в Великой библиотеке Александрии Джессу Брайтвеллу помогли лишь его терпение и удача. Если бы Джесс был хотя бы вполовину так умен, как его друг Томас Шрайбер, то к этому моменту он бы уже придумал, как отключить эти штуковины...

«Не думай о Томасе. Томас мертв. Тебе не следует об этом забывать, иначе не выживешь».

Джесс замер во мраке темного коридора, ведущего от входа со спартанцем на страже на обширную территорию военной части, где Джесс теперь жил. Здесь за ним уже никто не наблюдал, не было ни одного служащего ни в одном конце коридора. И каменный страж его здесь не видел. Здесь, на этот короткий безопасный миг, Джесс мог позволить эмоциям завладеть им.

В нем ярко горела злость, отчего все мышцы в теле напрягались, однако слезы, которые навернулись ему на глаза, вызвала скорее злость, а не печаль. «Ты солгал, Артифекс, – подумал Джесс. – Ты солгал, жестокий, злой ублюдок». Книга, спрятанная у него под рубашкой, была неопровержимым доказательством того, на что Джесс надеялся последние шесть месяцев. Однако надежда была жестокой и обманчивой. Она может принести боль, точно лезвие, которое вонзили в живот и провернули. Надежда была похожа на страх.

Джесс, откинув голову, ударил затылком по каменной стене за спиной, затем ударил снова, и снова, и снова, пока не сумел взять свою злость под контроль. Опять спрятать глубоко внутри и связать цепями силы воли. Затем Джесс вытер глаза. Сейчас было утро, очень раннее, рассвет только окрасил небо над горизонтом, и Джесс жутко устал. Он искал книгу, которую сегодня нес, на протяжении нескольких недель, забывая о еде и отдыхе, и вот наконец-таки

он ее нашел. Пришлось пожертвовать сном, и Джесс был голоден – последним его перекусом был гирос, который он купил у уличного торговца-грека восемь часов назад. Все остальное время Джесс провел в заброшенном здании, где прочел книгу трижды от корки до корки, пока каждая деталь не отпечаталась в его памяти.

Джесс разваливался от усталости, его желудок сводило от голода, однако он знал, что должен сейчас сделать.

Он должен был рассказать Глен правду.

Ему совсем не хотелось этого делать, и при мысли об этом он стукнул головой по стене еще раз, но осторожнее. Затем выпрямился, проверил пульс, чтобы удостовериться, что успокоился, и вышел из коридора во внутренний двор – здесь уже не было каменных стражей, хотя сфинксы регулярно патрулировали территорию. Джесс был рад, что сейчас не было видно ни одного из них, он повернул налево и отправился в сторону казарм.

Сделав остановку на завтрак, состоящий из куска хлеба, и выпив целый кувшин воды, Джесс пошел дальше, стараясь избегать всех, кто проснулся рано и мог захотеть поболтать. Ему жутко хотелось в душ и спать, хотелось куда больше, чем болтать с кем-нибудь ни о чем.

Ни душа, ни сна. Когда Джесс открыл дверь и вошел к себе, он обнаружил, что Глен Уотен – его друг, товарищ, с которым они много пережили вместе, одноклассница и начальник – без капли смущения сидит на стуле за его маленьким письменным столом. Она была высокой и мускулистой девушкой. Джесс никогда не считал ее привлекательной, однако она держала себя уверенно и гордо – что заслужила за последние три месяца, – отчего казалась почти что красивой, по-своему. Человек с характером по меньшей мере.

Девушка из Уэльса спокойно читала, хотя, как только Джесс закрыл за собой дверь, оторвалась от бланка и поставила его на полку.

– Люди начнут распускать слухи, Глен, – сказал Джесс. Он слишком устал, и у него не было сил ни на что. Ему нужно было рассказать ей о том, что он узнал, ему не терпелось рассказать, однако в то же самое время его переполняли эмоции, и Глен была последней, кому Джесс хотел бы показывать, что он теряет над ними контроль. Ему хотелось встретиться с ней после отдыха. Тогда ему бы удалось не выдать свой гнев... или бы все равно не удалось.

– Кое-что ты можешь уяснить в раннем возрасте, если рождаешься девчонкой: люди всегда распускают слухи, что бы ты ни сделала, – сказала Глен. – Какое благословение, должно быть, родиться мальчиком. – Ее голос был кислым, как и выражение лица. – Где ты пропадал? Я уже думала, не собирать ли поисковый отряд.

– Ты отлично знаешь, что так лучше не делать, – ответил Джесс, и, если она не собиралась уходить, что ж, ладно. Джесса совершенно не смущала необходимость снимать свою униформу и расстегивать перед ней рубашку. Они видели друг друга далеко не в лучшем состоянии, когда были еще кандидатами и проходили испытания профессора Вульфа, да и в военной части скромность не приветствовалась.

Джесс, должно быть, и правда слишком устал, чтобы думать, потому что он уже успел расстегнуть половину пуговиц на своей рубашке, когда осознал, что если разденется, то Глен увидит ремни на его груди и украденную книгу под ними. А ведь это была тайна, которой он пока не готов был поделиться с Глен.

– Может, отвернешься? – спросил Джесс. Глен вскинула свою темную бровь, однако ничего не сказала и молча повернулась к нему спиной. Джесс не сводил с нее глаз, пока снимал рубашку и проверял кожаные ремни, крепившие к его груди книгу. – Мне нужен сон, а не разговор.

– Ужасно жаль, первого ты не получишь, – ответила ему Глен. – У нас тренировка через полчаса, поэтому, в общем-то, я тебя и искала. Приказ пришел после того, как ты растворился в ночи. Где ты был, Джесс?

«Джесс». Что ж, значит, сейчас они играют не по армейским правилам, хотя не то чтобы он так думал. Джесс вздохнул и, не снимая ремней, накинул чистую рубашку.

– Можешь повернуться, – сказал он, когда застегнул все пуговицы. Глен повернулась, сложив руки за спиной, и посмотрела на него многозначительно.

– Если твоя ложная скромность должна была скрыть от меня тот факт, что на тебе какое-то контрабандистское снаряжение, то твои попытки не увенчались успехом, – произнесла она. – Ты что, снова вошел в семейный бизнес?

Семья Брайтвеллов занимала видное место на лондонском черном книжном рынке и имела связи по всему миру. Джесс никогда не рассказывал об этом Глен, однако почему-то не удивился, когда понял, что она все знает. Глен предпочитала узнавать о людях, с которыми общалась, все, что только могла. Хорошая стратегия. Джесс, в общем-то, поступил так же в отношении ее: она была единственной дочерью успешного торговца средней руки, который, однако, едва не обанкротился, когда оплатил учебу Глен в Великой библиотеке. А еще у нее было шесть братьев. Вопреки тому что все братья были высокими и крепко сложенными, никто из них не поступил на военную службу. Глен же была именно такой, какой казалась на первый взгляд: сильной, способной и жесткой девушкой, которая заботилась больше о своих умениях, чем о внешности.

– Если ты Брайтвелл, ты никогда на самом-то деле не выходишь из семейного бизнеса, – сказал Джесс и сел на край кровати. Матрас прогнулся, и Джессу ничего не хотелось в этот момент так сильно, как растянуться и утонуть в одеяле, однако если он ляжет, то точно уснет за секунду. – Ты же ворвалась сюда не для того, чтобы просто убедиться в том, что я все еще жив и здоров?

– Нет. – Судя по голосу, Глен вопрос позабавил, и она снова расслабилась. – Мне нужно было у тебя кое о чем спросить.

– Ну так? Как ты сама сказала, у нас всего полчаса...

– Уже даже меньше, – оборвала его Глен. – Потому что мы уже долго разговариваем. Что ты знаешь о Черных архивах?

У Джесса внутри все внезапно похолодело. Он ожидал, что Глен спросит что-нибудь другое, что-нибудь... более армейское. Но вместо этого усталому мозгу Джесса пришлось одолевать новую тему – в итоге он сказал:

– Что это миф?

– Действительно. – Слово прозвучало как издевательство, и Глен прислонилась спиной к стене, у которой стояла. – А что, если я скажу тебе, что слышала кое от кого, кому доверяю, что они вовсе не миф?

– Наверное, ты проспала все уроки в детстве, – насмешливым голосом протянул Джесс и напел детскую песенку: – Есть в Библиотеке книжный архив...

– ...Вопреки огню, вопреки войне, вопреки штормам будет он жив, – закончила Глен. – Я вспомнила те же строки, что и ты. Однако я говорю про другой архив. Про запрещенный.

– Черные архивы не более чем страшилка для детей. Вроде там полно опасных книг, если бы они могли быть опасными.

– Некоторые могут, – сказала Глен. – И Дарио не думает, что это миф.

– Дарио? – переспросил Джесс. – С каких пор ты доверяешь словам Дарио Сантьяго? И с каких пор ты с ним вообще общаешься?

Глен одарила Джесса загадочной улыбкой.

– Может, он просто хочет быть в курсе твоих выходок, – сказала она. – Но вернемся к теме нашего разговора. Если там и правда хранят опасную информацию, то я считаю, что именно там следует искать ответ на вопрос, что случилось с Томасом и почему он умер. И кого в этом винить. Разве ты так не думаешь?

«Томас. – Услышав имя своего лучшего друга, Джесс невольно представил его... жизне-радостный, оптимистичный гений с телом немецкого фермера. Джесс скучал по Томасу, который всегда понимал и поддерживал других, чем не мог похвастаться Джесс. – Нельзя сейчас об этом думать». На миг Джессу показалось, что он сейчас сорвется и либо закричит на Глен, либо заплачет, однако ему каким-то чудом удалось сдержаться, когда он сказал:

– Если такое место, как Черные архивы, и существует, то как мы туда проберемся? Надеюсь, у Дарио и на этот счет есть идеи. Потому что у меня нет.

– Ты же знаешь Дарио, у него всегда есть идея про запас, – сказала Глен. – В любом случае это то, о чем мы можем подумать. И то, что мы можем сделать. Я знаю, что ты хочешь узнать, как и почему Томас погиб, как и я.

– Архивариус сказал нам почему, – сказал Джесс. – Томаса уличили в сотрудничестве с врагами Великой библиотеки.

«Ради бога, расскажи уже ей о том, что ты знаешь», – эта мысль не давала Джессу покоя, мечась в голове, как заключенный, стучавшийся в дверь своей камеры, но Джесс не был пока готов. Он не знал, что произойдет, если он произнесет эти слова вслух, сделает их реальностью.

– Я ни на секунду в это не поверила, – тихо сказала Глен. Ее темные глаза расфокусировались, она о чем-то задумалась и погрузилась. – Томас бы ни за что не сделал ничего и не сказал бы ничего, чтобы заслужить такой участи. Он был лучшим из нас.

«Просто расскажи ей. Она имеет право знать!»

Джесс наконец-таки собрал крупицы своей смелости и сделал глубокий вдох, а потом встретил ее взгляд и начал было:

– Глен... насчет Томаса...

Его прервал стук в дверь. Стук звучал нетерпеливо, и Джесс подскочил с кровати и поспешил ответить. Отчасти он был рад тому, что его прервали... Пока не открыл двери и не увидел своего напарника Тарика Одуа, который плечом оттолкнул Джесса и вошел в комнату. В руках у него было две чашки с горячим напитком, и он протянул одну из них Джессу, сказав:

– А я думал, ты все еще валяешься в кровати. – Он умолк, заметив Глен у стены. Она скрестила на груди руки и выглядела совершенно непринужденно, однако Тарик все равно ухмыльнулся и вскинул брови. – Или, может, ты только что поднялся!

– Умолкни, – сказала Глен, явно не шутя. Она подошла, забрала вторую кружку из рук Тарика и выпила содержимое, даже не думая о том, что, вероятнее всего, Тарик рассчитывал попить сам. – А теперь проваливай по своим делам, солдат.

– Рад служить, командир, – сказал он и насмешливо отдал честь. Технически они сейчас не были на службе, однако Тарик ходил по лезвию ножа, и Джесс взглянул на Глен, чтобы понять, сердится ли она или попытается поставить его на место за неуважительное поведение.

Глен просто допила содержимое чашки и посмотрела на Тарика, не моргая, провожая его до двери взглядом.

– Новобранец Одуа, – сказала она, когда тот шагнул за порог. – Вы ведь понимаете, что, если я услышу хоть одну сплетню о данной ситуации, я изобью вас до потери пульса, а потом сделаю все, чтобы вас выгнали из отряда и из полка.

Он повернулся и на этот раз отдал честь по всем правилам. Его симпатичное личико приобрело беспристрастное выражение.

– Есть, командир. Вас понял.

Он закрыл за собой дверь. Джесс сделал глоток кофе и закрыл глаза с облегчением, когда кофеин начал действовать.

– Он хороший человек. Не станет распускать слухи.

Глен недоверчиво на него покосилась, спросив:

– На самом деле ты его не знаешь, ведь так?

Джесс действительно его не знал. Солдаты отряда тесно общались, однако Джесс держался от них в стороне, причем намеренно. Он подружился с теми, с кем проходил учебу, будучи кандидатом, а потом видел, как его друзей отчисляют, ранят и убивают. Он не готов был переживать эту боль снова.

И все же Тарик был здесь ближайшим другом Джесса, не считая Глен. Глен Джесс доверял.

Его мундир был чистым, и Джесс натянул его, допив кофе. Глен молча наблюдала за ним какое-то время, а потом произнесла:

– Ты собирался мне что-то рассказать.

– Позже, – сказал Джесс. – После зарядки. Беседа будет долгой.

– Хорошо. – Когда Джесс подошел к зеркалу, чтобы взглянуть на себя, Глен закатила глаза. – Твоей красоты хватит на нас обоих, Брайтвелл.

– Я польщен, что вы так думаете, командир. Вы сегодня тоже красавчик. – «Красавчик» в мужском роде идеально подходило. Глен коротко подстригла свои темные волосы, потому что так было удобнее. Джесс решил, что ей даже идет, сочетается с ее крепкими формами и ее силой. Они друг друга не привлекали, однако уважали. «И теперь куда больше, чем прежде», – подумал Джесс. Некоторые вроде Одуя могли подумать, что тут есть еще что-то. Глен имела право беспокоиться об этом. Джесс встретил ее взгляд через зеркало. – Срок действия этого комплимента, разумеется, закончится, как только мы выйдем за дверь.

Она кивнула. Сдержанно, однако в ее взгляде мелькнуло что-то, похожее на благодарность.

– Хватит прихорашиваться, пора идти.

Они вышли из комнаты вместе, однако, к счастью, в коридоре никого не оказалось, и их никто не увидел вдвоем. Солдаты собрались в другой стороне и непринужденно болтали, однако все стихли, когда подошла Глен. Джесс молча занял свое место в отряде, и Глен повела их наружу. Несмотря на то что Джесс жутко устал, он был рад тренировке, это был его шанс выплеснуть хоть немного злости, закованной в груди. На тренировке он не ждет сюрпризов. В конце концов, это же просто упражнения.

Джесс оказался чертовски неправ насчет этого и поплатился.

Прошел уже час за упражнениями в быстром темпе на снарядах, когда краем глаза Джесс заметил какое-то движение. Он попытался повернуться, однако на нем было несколько слоев одежды плюс гибкая броня, и движения выходили слишком медленными. Он опоздал.

Удар пришелся ему прямо по спине.

А потом Джесс оказался на земле лицом, обращенным к безжалостному александрийскому небу, затянутому белесой дымкой из-за жары. Джесс не мог дышать. Удар выбил весь воздух из его легких, и на миг Джесс испугался, что что-то не так, что его организм сдался и он вот-вот умрет... Однако потом мышцы в солнечном сплетении расслабились, и Джесс сумел сделать вдох.

Обжигающее солнце сменилось тенью, и Джесс узнал ее по коротким волосам, обрамленным солнечным светом. Несколько раз моргнув, он наконец-таки рассмотрел Глен, протягивающую ему руку. Проглотив гордость, он принял предложенную ему помощь, взял ее за руку и поднялся на ноги.

– Какого черта ты допускаешь ошибки, Брайтвелл? – спросила она. В ее голосе не было ни капли сочувствия. Джесс покачал головой, все еще пытаясь отдышаться. – Я же сказала

всем быть начеку. Ты не слушал. Если бы оружие ударило тебя на настоящей войне, то от тебя бы сейчас осталось лишь мокрое место.

Джесс и без того чувствовал себя наполовину мертвым. Тренировочное оружие, которое использовали в полку Великой библиотеки, не было игрушечным; оно действительно стреляло и оставляло серьезные синяки.

– Простите, – пробормотал он и спохватился секундой позже, добавив: – Сэр.

Теперь она уже была не просто силуэтом на фоне солнца, Джесс видел предупреждение в ее глазах. «Здесь мы не равны». Забывать об этом было бы глупо, и Джессу нужно было научиться всегда об этом помнить, научиться как можно скорее. Глен не могла оставлять ошибки Джесса безнаказанными, иначе бы это подорвало дисциплину в отряде.

Как сложно побороть эту привычку. Дружбу.

Солдаты их отряда собрались за углом макета здания, который стоял на их тренировочной территории. На улице был палящий зной, как и всегда, и все солдаты выглядели такими же изнеможенными и покрылись потом точно так же, как Джесс. Глен промокнула свое вспотевшее лицо рукавом и крикнула так, чтобы каждый из отряда ее услышал:

– Доложить свою ошибку, солдат!

– Командир, сэр, я забыл, что надо быть начеку, – сказал Джесс. Его голос прозвучал сдавленно, и по той боли, которая все еще жгла ему спину, он понимал, что у него останется знатный синяк. – Но...

Лицо Глен посуровело.

– Вы собираетесь оправдываться, Брайтвелл?

– Нет, сэр! – Он покосился на Тарика, который бессовестно ухмылялся. – Но это был дружественный огонь, сэр!

– О, будем честны. Я не очень дружелюбен, – сказал Тарик. – И я просто выполнял приказ.

– Приказ? – Джесс посмотрел на Глен, чье лицо по-прежнему было непроницаемым. – Вы приказали ему выстрелить мне в спину?

Глен даже глазом не моргнула:

– В реальном мире лучше быть начеку как среди врагов, так и среди друзей. Союзники могут предать, когда меньше всего этого ожидаешь. Надеюсь, синяки послужат тому напоминанием.

Джессу вряд ли нужно было напоминание, и Глен это прекрасно знала. Он не был наивен, вырос, зная, что никому не следует доверять. Доверию Джесс научился совсем недавно, очутившись в компании кандидатов в служащие Библиотеки, проходивших обучение вместе с ним и ставших его друзьями. Таких, как Глен. Которая теперь пыталась напомнить ему, что полагаться на доверие не стоит.

Джесс сглотнул подступившую к горлу злость и произнес:

– Никаких оправданий, сэр. Тарик всегда казался мне способным на предательство.

– Тогда почему же ты зазевался, умник? – спросил Тарик. – Должен признаться, мне нравится играть роль гнусного злодея, сэр.

– Играть? – пробормотал кто-то из отряда, и Тарик театрально прицелился в него пальцем, одновременно сделав глоток воды из своей фляги. Джесс бы даже посмеялся, если бы ему до сих пор не было так больно, однако урок Глен он уяснил... И к лучшему. «Я не могу позволять себе расслабляться, – подумал он. – Я прекрасно знал это с самого начала. Глен просто пытается мне напомнить». Только вот использовала Глен, к сожалению, свои болезненные методы.

– Продолжайте, – безэмоционально сказала Глен, и отряд поспешил выполнять приказ. Никто не ставил под сомнения ее слова. Джесс тоже. – Мы почти закончили тренировку, – сообщила она им и стала расхаживать туда-обратно перед ними, излучая свою энергию, кото-

рая, кажется, никогда не покидала ее, неважно, каким длинным и утомительным был для нее день. – Мы должны быть лучшими из лучших. Подставьте меня, подставит меня хоть кто-то из вас – и я дам вам такую пощечину, выкинув из армии, что отпечаток моей ладони дойдет до лица вашей бабушки. Ясно?

– Ясно, сэр! – ответили все моментально в унисон. Они учились синхронно двигаться и говорить вместе в течение долгих, полных боли месяцев. Вот чем занималась Глен. В один прекрасный день она станет генералом... или погибнет. Однако никогда не удовлетворится неидеальным результатом.

– Меня соблазняет мысль заставить вас сделать еще круг, – сказала Глен, не обращая внимания на тихие стоны, разнесшиеся по отряду. – Однако вы уже достаточно пострадали на сегодня. Примите душ, попейте, поешьте и отдохните. Свободны.

Именно поэтому, подумал Джесс, она была хороша в своем деле. Она заставляла всех трудиться на пределе возможностей, однако знала, когда стоит остановиться и подбодрить. Чаще всего знала, когда стоит остановиться. Никто из них (даже сам Джесс) ни разу не оказывался в палатке врачей, чего нельзя было сказать про другие отряды, которые, впрочем, не занимали таких высоких мест в рейтинге, как отряд Глен.

Остальные тренировочные площадки вокруг них почти что все пустовали, их специально отвели для новобранцев. Все уже давно закончили, так как колокола, возвещавшие об обеде, прозвенели почти полчаса назад, и теперь, когда Джесс об этом подумал, он понял, как сильно у него урчит в желудке. Калории, что он проглотил на завтрак, давно были сожжены.

Джесс зашагал следом за Ши Чжэном и Тариком, однако остановился, услышав голос Глен:

– Брайтвелл. На пару слов.

Остальные сочувственно на него посмотрели, однако не остановились, они обошли его и пошли дальше, а Джесс замер и повернулся. Глен до сих пор ходила туда-сюда под палящим солнцем, ее никогда не беспокоила александрийская жара. И солнце, похоже, любило ее в ответ, ее кожа, загорая, спустя месяцы приобретала красивый теплый оттенок дерева. Джесс, который провел под этим же солнцем ровно столько же времени, загорел лишь совсем чуть-чуть и постоянно сгорал и краснел.

– Сэр? – сказал он.

Она посмотрела на что-то за его плечом, на горизонт.

– Сегодня утром я получила сообщение от капитана Санти. Он просил тебе передать... ответ «нет». – Она внезапно посмотрела прямо на Джесса. – «Нет» на что, Джесс?

– Глен...

– Не Глен, а командир отделения Уотен. «Нет» на что?

– Я хотел поговорить с Вульфом. Сэр.

– Зачем?

Это было трусливо с его стороны, однако он выдал только вторую причину, по которой хотел встретиться с их прежним руководителем, профессором Кристофером Вульфом, проведшим их через настоящий ад:

– Я хотел узнать, знает ли он что-либо о Черных архивах.

Глен моргнула и изменилась в лице. На ее лице все еще отражалось подозрение, однако теперь появилось и беспокойство.

– Ты сказал мне, что считаешь их мифом, лишь сегодня утром. А спрашивал ты, должно быть, пару дней назад.

– Так и есть. По тем же причинам, по которым хотела знать ты. Мне кажется, что если Черные архивы существуют – но я не говорил, что верю в это, – то именно там нужно искать ответ на вопрос о смерти Томаса. – Джесс опустил глаза. – Я получил письмо от его отца, тот благодарил меня за то, что я был его другом. Он спросил, знаю ли я точно, как умер его сын.

Глен ничего не ответила на это и, поколебавшись, кивнула:

– Ты не хотел, чтобы я поднимала этот вопрос, потому что ты им уже занимаешься.

– И за нами следят, Глен, – сказал Джесс. – За всеми нами. – У него жгло язык, когда он говорил правду, однако он прекрасно знал, как она отреагирует на нее. И Джесс слишком устал. Он хотел рассказать ей все при лучших обстоятельствах, когда время не было бы ограничено. Если у них была тренировка, Джесс не хотел, чтобы она отвлекалась, как и он... Или, по крайней мере, так он себя оправдывал.

– Тогда встает другая проблема: тебе стоит держаться подальше от Вульфа. Ты это знаешь, ради него и ради себя самого.

– Я больше не буду спрашивать.

– Тогда свободен, Брайтвелл. Позже поговорим.

Джесс кивнул и поспешил уйти подальше от Глен. Любопытно, что капитан Никколо Санти решил передать сообщение и профессор Вульф не ответил лично... Однако их учитель был загадкой с самого начала.

Вульф не был добрым по своей природе, да и учителем от бога его не назвать... Однако он сделал все, что было в его силах, чтобы спасти своих студентов. Это не делало их друзьями, разумеется, однако Вульф бы тоже хотел узнать правду о смерти Томаса. А если бы узнал... «Неудивительно, что капитан Санти пытается держать его подальше от меня, – подумал Джесс. – Вульф не оставит это». Как и Джесс. Или Глен, если бы он ей все рассказал. Хорошо, что у него еще было время подумать. Ему нужно было придумать план до того, как запустить кота в стаю голубей, верно?

Спина саднила, и голова болела от жары и изнеможения. Обед прошел так же быстро, как и завтрак, будучи не чем иным, как топливом для движения без особого вкуса, и после него Джесс наконец добрался до своей кровати, чтобы вздремнуть – хотя сна ему нужно было куда больше, – и снова поднялся. Ему нужно было еще сделать дела, которыми он не мог заниматься при свете дня.

Джесс принял душ, натянул гражданскую одежду, еще раз перекусил в общем зале и ускользнул из военной части, когда прохладный вечер уже опустился на александрийские земли и на черно-синем небе сияли звезды.

Подобными делами лучше заниматься под покровом ночи.

Записки

Отрывок из отчета скривателя Григория Валдоста, направленного верховной скривательнице Керии Морнинг

...Что же касается нашей новой проблемы, девчонки Морган Холт. На мой взгляд, улучшений мало, и многое меня беспокоит. Я был уверен, что шесть месяцев упорных тренировок в Железной башне пойдут ей на пользу, однако она по-прежнему остается такой же упрямой, хитрой и чрезвычайно изобретательной. Например, сегодня я обнаружил, что, когда поручил ей записывать стандартные репрезентативные формулы для внесения изменений в кодекс, вместо этого она придумала способ скрывать целые статьи, по сути сумев спрятать их ото всех. Я дал ей простейшее задание по алхимическому приготовлению чашечек из золота, а она, воспользовавшись случаем, решила провести эксперимент по смешиванию ртути, купороса, поваренной соли и нашатырного спирта, чтобы создать ядовитую смесь, способную расплавить самую тонкую часть ее ошейника. Разумеется, она потерпела неудачу, и пришлось лечить ее ожоги, однако проблема в том, что она была близка к тому, чтобы обнаружить нужные ингредиенты, которые могли бы сработать.

Я отправил ее работать под надзором над самой скучной из возможных задач – транскрибировать официальные послания в книги, однако не рискую оставлять ее с кем-либо надолго. Эта маленькая преступница порой ведет себя очень убедительно. Понимаю, что давать ей доступ к некоторым из этих посланий опасно, ведь она по-прежнему придерживается взглядов профессора Вульфа и его студентов, насколько я могу судить. Однако, поверьте, она куда менее опасна с ручкой и бумагой в руках, чем с алхимическими веществами.

И во имя Гора, не подпускайте ее даже близко к работе с телепортациями. Мне не по себе от одной только мысли о том, что мы будем делать, если ей удастся телепортировать себя отсюда.

Она продолжает сопротивляться правилам и законам Железной башни, однако я провел анализы и спрогнозировал, что ее наилучшее время для воспроизведения потомства скоро настанет. Ей я пока ничего не говорил. Лишь богам известно, что она может сделать, чтобы избежать своих обязанностей тогда.

Знаю, вы щепетильно относитесь к подобному вопросу, скривательница, так что прошу меня простить за мою прямолинейность, однако я все-таки полагаю, что вы даете девочкам слишком много свободы в данном вопросе, позволяя трижды отвечать отказом прежде, чем они обязаны проходить процедуру в принудительном порядке.

Она, разумеется, уже использовала все три свои права на отказ.

Ваш верный слуга, Григорий

Глава вторая

Александрийский черный рынок имел две очевидные стороны. Первая – более общественная, была известна как теневой рынок, где продавали запрещенные, но все же безобидные копии распространенных библиотечных книг – за это в худшем случае можно было получить штраф или же попасть в тюрьму на короткий срок. Теневой рынок существовал исключительно для тех, кто желал получить в свое распоряжение книгу лишь ради азарта, чтобы почувствовать себя вне закона, даже если книга оказывалась в некачественном переводе или с недостающими страницами.

Контрабандист по имени Красный Ибрагим руководил темной, более недоступной стороной торговли, и о нем ходили легенды далеко за пределами города; о его репутации говорили даже в доме Джесса в Лондоне. Он был *кузеном*, человеком в торговом деле, на которого можно было положиться в трудную минуту и за определенную плату. У Джесса были и настоящие, кровные кузены в торговле, однако, чтобы стать «торговым кузеном», нужно было заручиться долгосрочным успехом в этом деле и обладать безжалостной преданностью своим друзьям-контрабандистам. Они были связаны – точно как страницы в книге, какая ирония, – книжным бизнесом, историей, записанной пером на бумаге.

Запретными плодами.

В течение нескольких месяцев Джесс постоянно имел дело с подчиненными Красного Ибрагима (у того на службе была команда, в которой состояло по меньшей мере тридцать человек) и обнаружил, что все они хладнокровные и очень талантливые. Честность намерений Брайтвелла проверяли снова и снова на каждом шагу; в конце концов, теперь он был солдатом элитного библиотечного войска и носил медный браслет служителя Библиотеки, несмотря на то что по праву рождения был контрабандистом. Оставаться солдатом и при этом заработать доверие окружающих оказалось не такой уж и простой задачей.

Сегодня вечером, пока Джесс шагал по улице, указ с его изначальным заданием сам собой появился в его кодексе, зашифрованный тайным семейным кодом Брайтвеллов. Прочитав текст, он тут же стер сообщение. Теперь он остановился у одного из рыночных прилавков, где ему устно велели зайти в соседний магазинчик, а оттуда отправили в другое место, в плохо освещенный бар, где матросы ругались друг с другом из-за игры в кости, и владелец бара подсунул Джессу бумажную записку. Чтобы проделать дальнейший маршрут, Джессу пришлось обойти полгорода, и ноги у него уже жутко болели к тому времени, когда в его кодексе появились новые слова: «Постучи в синюю дверь».

Джесс остановился, спрятал кодекс и обвел задумчивым взглядом дома, стоящие на улице, на которой сейчас оказался. Все они были прямоугольными, и их стены, выкрашенные бледной краской, выглядели вполне ухоженно. На крышах и портиках домов красовались миниатюрные египетские украшения. Выглядели эти дома, как жилища скромных, но вполне себе обеспеченных семей; быть может, библиотечные профессора с серебряными браслетами жили именно в таких.

На правой стороне улицы стоял дом с темно-синей дверью, и Джесс двинулся к ней, войдя через квадратные ворота и миновав небольшой придомовой садик с различными травами и раскидистым деревом акации. В украшенном орнаментом прудике лениво плавали рыбки и покоились огромные цветы лотоса. Дом походил на типичное местное жилище, с типичными

статуями египетских богов в нише у двери, и Джесс уважительно поклонился божествам, как и полагалось делать по местным обычаям, прежде чем постучать.

Мужчина, который распахнул дверь, выглядел непримечательно: немолодой, но и не старый, невысокий, однако и не низкий, не худой, но и толстым его назвать было нельзя. Джесс был почти уверен, что мужчина – коренной египтянин, потому что у него были зоркие темные глаза и кожа насыщенного медного оттенка. Местная мода требовала сбривать все волосы на теле, включая брови, и этот человек определенно следовал данной моде.

– Джесс Брайтвелл, – произнес мужчина и широко улыбнулся, – встреча с вами для меня большая честь. Добро пожаловать в мой дом. – Он сделал шаг в сторону, пропуская Джесса внутрь, и закрыл за собой дверь. На двери висел внушительных размеров замок, и Красный Ибрагим быстро его закрыл. – Уверен, мы наслышаны друг о друге.

– Я представлял вас более рыжим, – сказал Джесс. Мужчина вскинул одну свою бритую бровь. – Извините. Английское слово. Я имею в виду, с красными волосами.

– Меня зовут Красным не за волосы.

– Тогда за что же?

Ибрагим улыбнулся, нешироко, но при виде этой улыбки у Джесса по всему телу пробежал неприятный холодок.

– Полагаю, я поведаю вам эту историю в другой раз. Попрошу. – Мужчина (Джесс в итоге решил, что ему около сорока лет, но, быть может, и меньше – или больше) указал рукой на маленький изящный диванчик, и Джесс присел. В комнату вошла юная девушка с прямыми черными волосами до плеч, неся в руках поднос с аккуратными кофейными чашечками и серебряным кофейником. На вид ей было около четырнадцати, маленького роста и очень хорошенькая, и она улыбнулась Джессу, пока разливала кофе.

К удивлению Джесса, девушка затем тоже села на диван, на противоположном конце.

– Это моя дочь Анита. Боги мне благоволят, ибо Анита очень смышленная девушка, которая также желает изучать торговое дело. Вы не против, если она поприсутствует?

– Никаких возражений, – сказал Джесс. Он припоминал, как отец поступал точно так же, когда Джесс и его брат-близнец Брендан были помладше, однако Джесс не помнил, чтобы кто-то давал им право выбора и спрашивал у детей, желают ли они заниматься торговым делом или нет. – Потребовалось немало времени, чтобы договориться о встрече с вами.

– Да, разумеется, и я ни в коем случае не пытался никого оскорбить своей осторожностью. Но разве ваш отец, уважаемый Каллум, соглашается на встречу с каждым незнакомцем, который заявляет, что занимается торговлей? – Красный Ибрагим протянул Джессу чашечку, которая оказалась такой маленькой, что ощущалась в руке как игрушечная, однако кофе был сладким и достаточно крепким, чтобы сердце у Джесса забилося чаще после всего лишь одного глотка. – Или же он сначала делает все, чтобы убедиться, что его бизнесу – как и его семье – ничего не угрожает, ведя себя чрезвычайно предусмотрительно?

– Он человек осторожный, – согласился Джесс, хотя и помнил, как отец беспощадно рисковал жизнью его и его братьев, не особо задумываясь о последствиях. Его старший брат Лиам оказался на виселице за то, как *осторожно* их отец вел свой бизнес. – Он желает заполучить некоторую информацию, и вы занимаете именно то положение, которое подразумевает обладание данной информацией. Разумеется, дело чрезвычайно деликатное.

– Разумеется, – согласился Ибрагим. – Само собой разумеется. – Он сделал вежливую паузу, привлекая к себе больше внимания.

– Механические стражники, – сказал Джесс.

– Не существует по-настоящему редких экземпляров работ Герона, как вы, без сомнения, знаете...

– Нам нет дела до редких томов, – оборвал его Джесс. – Мы ищем книги, которые описывают то, как устроен принцип работы внутри механических стражников. И как их можно отключить.

Красный Ибрагим в этот момент пил свой кофе, и несмотря на то, что слова Джесса застали его на секунду врасплох, он спокойно допил, так что Джесс почти что было упустил реакцию мужчины. Почти что. А затем мужчина засмеялся, и смех его прозвучал совершенно непринужденно.

– Вы знаете, как часто просят о подобном, юный Брайтвелл? Механические стражники являются врагами как контрабандистов, так и поджигателей, в каждом городе на всей нашей планете! Неужели вы думаете, что, если бы такую информацию можно было заполучить, мы бы уже ею не обладали и не заработали бы на этом целое состояние?

– Такое уникальное сокровище куда более полезно, если пользоваться им стратегически и для своих личных целей. – Джесс постарался придать своему голосу еще больше серьезности. – Мы находимся в самом опасном для книжных контрабандистов месте на земле, и тем не менее вы сумели построить здесь карьеру – построить своего рода империю. Вы бы сделали все, чтобы подобная информация оказалась в вашем распоряжении.

– Никто не в силах отключить этих автоматизированных тварей. Это невозможно.

– Нет ничего невозможного, – ответил Джесс. – Они существа механические. Значит, их кто-то построил. Кто-то должен знать их секреты, а секреты всегда оказываются в руках тех, кто ищет их достаточно упорно. И если я что-то о вас и знаю, сэр, так это то, что вы выглядите как человек, который ищет очень и очень упорно.

– Я и правда ко всему и всем присматриваюсь, – согласился Ибрагим. Отточенным, невозмутимым движением он отставил свою пустую кофейную чашку. – И что же ваш отец готов предложить за подобный бесценный подарок? Учтите, разумеется, что такой секрет вообще существует.

Джесс изо всех сил старался выглядеть столь же непринужденно, как Ибрагим, приказывая своему пульсу не учащаться. Он даже не моргнул, когда произнес:

– У меня есть экземпляр «Первой книги Уризена» Уильяма Блейка.

Выражение лица Ибрагима никак не изменилось.

– Таких экземпляров в мире целых восемь штук, – сказал он. – Мне понадобится что-нибудь куда более редкое. Ведь, как вы говорите, подобная информация и впрямь очень ценное сокровище.

– Было восемь экземпляров, – ответил Джесс. – Шесть из них выкупили пожиратели чернил, которые сожрали книги в качестве своего некоего нездорового ритуала четыре месяца назад. Однако я уверен, вы уже и сами об этом знаете. Получается, остается две книги: одна из них в хранилище моего отца... вторая же у меня здесь, спрятана в Александрии. И вы можете ее заполучить, если пожелаете.

– О-о, – тихо протянул Ибрагим. – Теперь-то мы и подошли к самому интересному, полагаю. К тому, чего желаете вы сами. Просьба исходит вовсе не от вашего отца. Он бы ни за что не позволил вам продать столь важный и ценный фолиант. До сегодняшнего дня он вполне отлично справлялся и без этой информации, несмотря на все старания лондонской полиции. Нет, я полагаю, что это именно вас так сильно интересует данная информация, верно?

Джесс не стал отвечать на этот вопрос. Он почувствовал, как горячий пот течет у него по спине, но все же надеялся, что выражение его лица по-прежнему никак не выдает его тревогу. Спустя несколько мгновений Джесс ответил:

– Один из двух оставшихся во всем мире экземпляров. Я предлагаю его вам в качестве честного обмена. Эта книга стоит целое состояние.

Ибрагим обменялся взглядом со своей дочерью. Анита произнесла:

– Это и впрямь хорошая плата, разве нет?

– Хорошая, – согласился Красный Ибрагим. – Но дело вовсе не в этом. Дело в том, что юный Брайтвелл пришел совершить сделку, которая противоречит интересам его семьи, сделку во имя своей личной выгоды. Поведайте-ка мне, быть может, это имеет какое-то отношение к той книге, на поиски которой вы потратили столько времени и гиней¹ и которую приобрели буквально вчера? К той книге о преступниках в тюрьме архивариуса?

Разговор внезапно перешел на опасную тему. Очень опасную. Поэтому Джесс ничего не сказал. Тогда Красный Ибрагим откинулся на спинку диванчика и подпер рукой подбородок. На одном из пальцев у него красовалось кольцо с рубином, который выглядел, как капля свежей крови.

– Я не хочу иметь ничего общего с делами Библиотеки, – продолжил Красный Ибрагим. – Как не хочу иметь ничего общего и с крестовым походом самонадеянного юнца. Это не наше ремесло.

– Я желаю узнать информацию, и это ваша профессия, – сердито сказал Джесс в ответ. – Мы договорились или нет?

Красный Ибрагим продолжал смотреть на Джесса своими пугающими темными глазами так долго, что Джесс буквально почувствовал, как новые слова вот-вот готовы вырваться у него из глотки – злые слова. Однако он сумел сдержаться и продолжил терпеливо ждать. В конце концов мужчина поднялся на ноги и взглянул на свою дочь, которая все это время молча сидела и наблюдала.

– Анита, оставляю решение за тобой.

– Что? – Джесс тоже подскочил на ноги, однако Красный Ибрагим уже направился в сторону двери, которая вела во внутреннюю часть дома. На одно мгновение Джесс задумался о том, чтобы броситься вслед за Ибрагимом, но он также знал, что такой мужчина долго бы не прожил, если бы вел себя неосторожно. И если уж мужчина и повернулся к Джессу спиной, то наверняка поблизости находилось немало ножей, которые могли его с легкостью защитить.

– Садись, – сказала Анита хладнокровным, как и ожидалось, голосом. – Присядьте, Джесс. – Быть может, она и выглядела юной и хрупкой, однако явно обладала и другими качествами. Она обладала стойкостью, которую Джесс не встречал ни в ком прежде, если не считать, конечно, отражения в зеркале. Анита прикоснулась к цепочке на шее, на которой висело кольцо, огромное, но изящное, с египетским иероглифом, изображающим птицу.

Джесс уставился на отца Аниты, пока тот закрывал за собой дверь, однако все же опустился обратно на диван.

– Чему он пытается тебя научить? Как отказать в помощи и суметь остаться в хороших отношениях с Брайтвеллами?

– Он имел в виду то, что сказал. Решение за мной. Он предоставил это дело мне. – Джесс перевел глаза на Аниту и обнаружил, что выражение ее лица было почти таким же непроницаемым, как и выражение лица ее отца, однако уголки глаз были едва заметно вздернуты вверх. Ситуация ее явно забавляла. – Полагаю, сейчас ты думаешь, что жестокая судьба сыграла с тобой злую шутку, отдав решение в руки какой-то девчонки.

– Вроде того.

Анита лениво покрутила висящее на цепочке кольцо.

– Мы выживаем, как можем, Джесс, – сказала она. – Ты и я. Мы родились и живем в суровых условиях. Если ты думаешь, что я вас не понимаю... Однако скажи мне, почему ты не обратился с этим вопросом к своему брату? Однозначно, это обошлось бы куда дешевле и проще, разве нет?

– К Брендану? – Джесс почувствовал, как его брови хмурятся. – Он не в Александрии. Он уехал. Обрато в Лондон.

---

¹ Египетская денежная единица.

– Нет, – ответила Анита. – Быть может, тебе стоит лучше следить за перемещениями своего близнеца. Не хочу тебя обидеть, но все же скажу, что с ним порой очень сложно работать.

– Согласен, очень на него похоже. И почему же он до сих пор здесь?

Анита развела руками.

– Спроси у него сам, – сказала она. – Могу поведать, где он живет.

– Тебе не терпится от него избавиться, не так ли?

– Одного Брайтвелла в Александрии более чем достаточно. Мы бы предпочли, чтобы это был ты. – Она опустила руки на колени и наклонила голову, а на губах появилась неподдельная улыбка. – У меня самой было двое братьев, я знаю, как сложно порой с ними уживаться.

Джесс прочистил горло и поинтересовался:

– Так каково же будет твое решение? Твой отец предоставил решающее слово тебе.

– Предоставил. – Она глядела на Джесса несколько долгих секунд, а затем произнесла: – Ты готов поклясться, что ни за что никому не раскроешь, от кого получил данную информацию?

– Клянусь... чем вы хотите, чтобы я поклялся?

– Душой своего первенца. – На этот раз Анита без зазрений совести усмехнулась. – Такая уж традиция.

– Учитывая мой стиль жизни, может оказаться, что это бессмысленное, пустое обещание. Ну да ладно. Клянусь душой своего первенца, что никому никогда не раскрою, от кого я получил данную информацию. Ни друзьям, ни родственникам. Я никогда ни за что не предаю семью Красного Ибрагима.

– Я верю тебе, – сказала Анита. – И, если ты нарушишь данную клятву, помни, что египетские проклятия очень жестокие, Джесс. И быстродействующие. Никогда не забывай об этом. – Сказав это, она поднялась на ноги и направилась в сторону двери.

– Подожди! Куда ты уходишь?

– За книгой, которую ты просил, – сказала она.

– Но я не принес с собой...

– Я доверяю тебе, – повторила Анита. – Если бы не верила, ты был бы уже мертв.

Ждать пришлось не так уж и долго, что Джесса искренне удивило. Должно быть, столь опасную информацию хранили прямо здесь, в *даме*. Отец Джесса был бы в ужасе. Все дела, связанные с бизнесом Брайтвеллов, всегда держали подальше от семейного дома Брайтвеллов, хотя Джесс и притаскивал порой тайком запрещенные книги в дом, но только лишь чтобы почитать, а не продать.

Анита вернулась всего через несколько секунд, как ни в чем не бывало неся в руках маленькую книжицу в кожаном переплете. Выглядел томик потрепанным и вполне заурядным и, очевидно, был некогда чьей-то записной книжкой. Когда Джесс взял книжицу в руки, то почувствовал грубую шероховатость, а когда пригляделся, то понял, что на обложке виднеются темные пятна, въевшиеся в кожаный переплет. Кровь.

Джесс раскрыл книжку, чтобы изучить содержание, и уставился на написанное на несколько мгновений, а затем поднял глаза на Аниту.

– Тут все закодировано, – сказал он.

– Ну разумеется, – ответила она. – И я отдам ключ к расшифровке, когда ты принесешь плату, которую обещал. Я сказала, что верю тебе. Однако я не полная дуручка. – Она задумалась на мгновение, а затем добавила: – Джесс, я сказала, что у меня было двое братьев.

Джесс листал страницы, пытаясь найти хоть какую-нибудь закономерность в шифре, что, разумеется, оказалось тщетным, однако стоило ведь попытаться, никогда нельзя просто так сдаваться.

– Ты угрожаешь, что натравишь их на меня, если я не принесу оплату? Принесу.

– *Было* двое братьев, – повторила Анита и снова прикоснулась к цепочке на шее, проведя пальцами по кольцу, которое висело там. – Они мертвы. И причина, по которой они мертвы, заключается в книге, которую ты сейчас держишь в своих руках. – Кольцо, внезапно осознал Джесс, создано для пальцев куда крупнее, чем пальцы Аниты. Для мужских пальцев.

Джесс резко замер, и холодок пробежал у него по спине, когда он понял, что пятна крови на кожаном переплете могут принадлежать одному из братьев Аниты. Джесс поднял глаза и посмотрел прямо на девушку. Ее взгляд снова был непроницаемым, как и у ее отца.

– Если ты попытаешься воспользоваться данной информацией, – сказала Анита, – тебя убьют. Мне бы не хотелось подобного исхода. Ты совершил глупую сделку, Джесс. Мой отец заплатил огромную цену за эту книгу, нам пришлось отдать за нее куда больше, чем стоило. Я просто хочу предупредить тебя.

У Джесса внезапно сдавило горло, и ему пришлось заставить себя улыбнуться, когда он ответил:

– Я вернусь с Блейком через час.

Анита кивнула.

– Я буду ждать, – ответила она. Где-то в одной из задних комнат дома громко и мелодично запела птица, и Анита повернула голову в сторону мелодии, улыбнувшись. – Это наш домашний жаворонок. Мой младший братик построил для него скворечник. Красивая мелодия, не правда ли?

Сжав окропленную кровью книжицу в руке, Джесс сказал:

– Красивая.

Если все закончится плохо, то на худой конец ему выпал шанс послушать звонкую, знакомую мелодию птицы, которую он часто слышал дома, когда рос.

Записки

Текст сообщения, написанного руководителем отдела Артифекса Великой библиотеки, отправленного неизвестному получателю

Приветствую и желаю всего наилучшего, отважный солдат. Вам уже сообщили подробности вашей миссии, и я знаю, что вас одолевают сомнения относительно моральных принципов, затрагивающих данные действия. Вам не следует переживать. Спустив курок, вы избавите сотрудников Библиотеки от одного из самых опасных и непредсказуемых предателей, одного из тех, кого уже не спасет ничего, кроме смерти.

Мне непросто отдавать подобный приказ, и я знаю, что вы относитесь к данному делу столь же серьезно. Поджигатели кричат о том, что человеческая жизнь куда важнее жизни книги, однако мы с вами знаем правду: знания живут вечно. И ни одна человеческая жизнь не может похвастаться подобным.

По этой причине человек, который ставит существование знаний под угрозу, должен быть устранен – словами убеждения, грубой силой или же, если ничто другое не помогает, смертью.

Да благословит вас ваш бог или боги, как благословляет вас сам верховный архивариус, который дает добро на подобное деяние.

ЕГО ПЕЧАТЬ

Глава третья

К тому времени, как Джесс вернулся за экземпляром Блейка в свой личный тайник с редкими книгами и отдал его Аните, получив взамен код для дешифровки информации об устройстве библиотечных механических стражников, тьма позднего ночного часа уже опустилась на мир. Затем Джесс потратил еще несколько часов на то, чтобы изучить содержание книги, аккуратно переписывая перевод страницу за страницей.

Результат превзошел все ожидания, и ему жутко хотелось продолжить свою работу, однако, когда часы пробили три ночи, глаза у него болели так, что он больше не мог смотреть на слова, а голова отказывалась думать. Тогда Джесс в конце концов сдался и упал на кровать, моментально уснув сном мертвеца... До тех пор, пока настойчивый стук в дверь его не воскресил.

– Я н-не сплю, – пробормотал Джесс и нехотя поднялся со своей койки. Ему жутко хотелось рухнуть обратно и снова умереть; все тело у Джесса нестерпимо болело после тренировок прошлого дня и ночных приключений. И он давно уже как следует не выспался. «Книга», – подумал Джесс и поспешно схватил записную книжку и стопку листов с переведенными страницами. Спрятал все в свою контрабандистскую сумку, в которой и без того уже не хватало места, а затем быстро накинул халат и поспешил ответить на стук в дверь.

На пороге стояла Глен в чистенькой, отглаженной форме.

– Незапланированная тренировка, – произнесла Глен. – Собирайся. Наша последняя. У тебя тридцать минут.

– Глен... – Однако она уже направилась стучать в следующую дверь. Джесс надеялся, что у них будет время пообщаться без свидетелей, однако сейчас момент явно неподходящий. Да и, быть может, лучше бы было обсудить подобные вещи после тренировки, когда все дела сделаны. Тогда у Джесса будет время объяснить все Глен в более спокойной обстановке, дав ей свыкнуться с шоком, печалью и гневом, с которыми самому Джессу пришлось столкнуться, когда он все узнал.

Одевшись и разбудив себя чашкой сладкого египетского кофе, Джесс выбежал вместе со своим отрядом на тренировочную площадку на место, закрепленное за ними, где они все и построились. Остальные отряды тоже уже собирались, однако никто не успел прийти раньше них, как заметил Джесс.

Глен вместе с ними не выбежала.

«Она не здесь».

Джесс понял это, только когда они выстроились в шеренгу и встали по стойке смирно. Отсутствие Глен казалось не просто странным, такого никогда не случалось. Она никогда не опаздывала, и Джесс, не шелохнувшись, тихонько обменялся обеспокоенным взглядом с молодым человеком, стоящим справа от него, с Тариком, который ударил его вчера. Тарик выглядел совершенно спокойным, однако со лба у него уже капал пот. Громкий утренний звон, оповещающий о всеобщем сборе, раздался с вершины сторожевой башни военной части, а... Глен до сих пор не появилась. Шло время, и остальные отряды уже отчитались и разошлись. Отряд же Джесса продолжал молча стоять под палящим солнцем. Если остальные и переживали так же, как и сам Джесс, тренировки пошли им на пользу, потому что никто ничего не сказал.

Наконец Джесс увидел одну из солдатских паровых повозок, подъезжающую к ним через площадь; Джесс проследил за повозкой взглядом, пока та приближалась. Глен Уотен соскочила с повозки еще до того, как та выпустила облачко пара и остановилась. Глен сопровождал человек, которого Джесс с трудом узнал: капитан библиотечной армии Фенг, этим суровым утром он улыбался, однако его глаза напоминали разве что колкие осколки черного льда. Капитан Фенг никогда прежде не посещал собрания рядовых солдат на площади. Тем более никогда не общался с рядовыми из отряда Джесса. И все отлично знали, что капитана Фенга задобрить очень и очень нелегко.

Джесс услышал, как кто-то в шеренге за его спиной изумленно ахнул, однако сам постарался сосредоточиться на том, чтобы продолжить стоять смирно и ничем не выдавать свою тревогу. Взгляд Фенга – холодный и надменный – пробежал по каждому, пока он шагал вдоль выстроившегося отряда. Он посмотрел на Джесса с таким же равнодушием, как и на всех остальных, глядя на него ровно такую же короткую секунду, и ничего не сказал, пока не дошел до конца и не вернулся вместе с Глен, замершей перед ним. Силуэты капитана и юного командира их отряда освещало безжалостное сияние восходящего солнца. И за ослепительным светом рассмотреть выражения их лиц было невозможно.

– Рейтинг, – произнес капитан Фенг, обращаясь к Глен. Она быстрым движением сняла со своего пояса водонепроницаемую коробочку и открыла ее. Внутри лежал бланк – книга, связанная с огромными архивами Великой библиотеки, однако на обложке конкретно этого бланка поблескивала золотая печать Библиотеки и было изображено страусиное перо – символ богини Маат². Это был личный журнал с заметками Глен, данные из которого ежедневно отражались в другом точно таком же бланке, стоящем где-то на полке в недрах командного офиса. Военное издание.

Сжимая книгу обеими руками, Глен передала ее капитану, и он взял ее точно так же, тем самым выражая свое уважение перед книгой, не перед Глен. Капитан задумчиво пролистал страницы, прочитав отчеты и заметки, а затем отдал с тем же уважением и заботой обратно в руки Глен.

– Хорошая работа, сержант Уотен, – сказал капитан Фенг. – Хорошая работа, отряд. Разойтись.

Наступил момент облегчения, и Джесс услышал, как его товарищи тихонько выдохнули, расходясь и разминая затекшие ноги и спины. Однако это оказалось ошибкой, потому что капитан Фенг продолжил говорить:

– Вы лидируете в списках по баллам, и поэтому мы решили дать вам сегодня особое задание. Это задание станет для вас испытанием и покажет, какого уровня мы от вас ждем. Вы готовы продемонстрировать свои навыки и превзойти самих себя, новобранцы?

– Да, сэр! – ответили все в унисон. Никто и не думал отвечать иначе. Каждый член отряда Глен Уотен стремится к совершенству, и да помогут им боги, если они того не сделают. Глен тоже отозвалась вместе с остальными. Она выпрямилась так, что стала казаться еще выше и стройнее. Здесь она чувствовала себя в своей стихии.

Джесс завидовал Глен в такие моменты. В этот самый момент он отчаянно тосковал по тихому покою, который всегда находил среди книг. «Сегодня, похоже, – подумал он, – будет сложно». Капитан Фенг не стал бы давать их отряду особое задание просто ради развлечения, и Джесс даже не сомневался, что их сегодня ждет нечто крайне трудное.

– Отряд! – обратилась к ним Глен, на что все моментально отозвались громким «Сэр!». Даже Джесс. – Мы опережаем всех на два балла в рейтинге. *Этого недостаточно*. Мы выполним данное нам задание и получим на пять уверенных баллов больше остальных, мы финишируем на вершине рейтинга! Все ясно?

---

² Маат – богиня справедливости, закона и порядка в египетской мифологии.

– Да, сэп! – воскликнул Джесс одновременно со всеми остальными. Ему хотелось завершить эту чертову тренировку и занять первое место в рейтинге не меньше самой Глен, однако тот факт, что они чем-то привлекли внимание капитана Фенга, вряд ли являлся благоприятным знаком.

Фенг снова медленно прошелся вдоль их шеренги, однако на этот раз он смотрел в пустоту перед собой, когда говорил:

– Вашим заданием сегодня является конфискация. Ваша задача заключается в том, чтобы войти и обыскать дом на наличие контрабандных книг, и, если таковые будут найдены, вам предстоит их занести в каталог и переслать в Библиотеку. Вам, однако, могут оказать сопротивление. Будьте к этому готовы.

На словах все звучало чрезвычайно легко. Глен с Джессом уже бывали на настоящей миссии по конфискации книг, когда были еще кандидатами на рабочие должности в Библиотеке и соперничали за возможность получить нынешнюю работу; да каждый из членов их отряда пережил ситуации и посложнее, чем эта. Сказать по правде, задание звучало настолько просто, что казалось почти неуместным, учитывая, какой высокий рейтинг они сейчас занимали.

Джесс покосился направо, взглянув на девушку из Скандинавии по имени Хельва, которая, как и Джесс, смиренно стояла и выслушивала задание. Когда Хельва покосилась на Джесса в ответ, он понял, что она всецело разделяет его недоумение. «Что-то не так». Но если Глен и думала так же, как они, то ничем не выдавала своих мыслей, однако не стоило забывать о том, что Глен всегда скрывала свои эмоции куда лучше, чем кто-либо другой, кого знал Джесс.

Глен развернулась лицом к своему отряду.

– В повозку, – сказала она, – вперед!

Все поспешили занять места. Пришлось потесниться, однако паровая повозка была спроектирована таким образом, чтобы в ней мог уместиться целый отряд разом да еще и в полном снаряжении. Джесс уселся рядом с паровым двигателем, который шипел, а механизм рядом с ним застучал, когда повозка двинулась с места. На ровной дороге повозка разогналась быстро. Окна в крытой повозке не были предусмотрены, так что Джесс не мог точно сказать, куда они едут, и понимал лишь, что едут они далеко и очень быстро. Территория военной части сама по себе была гигантской и состояла из почти что двадцати различных площадок и тренировочных снарядов по периметру. Джесс побывал уже почти на каждой площадке во время их тренировок, включая ту, которая представляла собой макет александрийской улицы. Он решил, что именно туда они и направляются.

Джесс ошибся.

Когда повозка дернулась и резко остановилась, а отряд выбрался наружу, Джесс понял, что они прибыли в самый дальний западный конец военного городка – в закрытую территорию на краю поля, куда стажерам заходить вообще запрещалось. Джесс снова занервничал, когда их отряд выстроился за Глен, вытянувшейся по струнке. «Что-то не так», – снова подумал Джесс. Территория здесь была окружена высоченной каменной стеной с одними лишь воротами, через которые можно выбраться.

Повозка за их спинами выпустила новое облако пара, когда двигатель заработал, и быстро умчалась прочь, окатив отряд песком, поднятым с пыльной дороги. Джесс моргнул, пытаясь избавиться от попавших в глаза песчинок, а в это время крепкого телосложения военный в униформе с двумя глазами Гора на погонах – центурион³ по званию – оглядел их мрачным и сердитым взглядом.

– Что ж, – произнес он. – Снаряжение справа от вас. Собирайтесь. У вас шестьдесят секунд.

---

³ Центурион – командир центурии, отряда из ста человек, в римской армии.

Джесс поспешил вместе с остальными к обмундированию, наваленному в стороне, которое состояло из подвижного бронированного плаща с эмблемой Библиотеки на спине и тяжелого черного автомата. Никаких дополнительных патронов. Джесс был отлично знаком с оружием, ведь впервые ему выдали пистолет еще в Оксфорде, когда он был лишь студентом. Однако даже после всех тренировок, которые Джесс пережил за последние несколько месяцев в качестве своего нового статуса солдата, оружие казалось чем-то противоестественным в его руках, чем-то незнакомым и опасным.

И при виде оружия в голове Джесса тут же оживали плохие воспоминания.

– Боевые? – спросил кто-то позади него, пока Джесс проверял свое оружие.

– Патроны, которые предназначены для оглушения цели и стреляют вполсилы, – ответил центурион. Его акцент, как решил Джесс, напоминает южноафриканский и отлично сочетается с его темным оттенком кожи. – Однако такие патроны все равно опасны, так что цельтесь хорошенько и постарайтесь не поубивать друг друга.

Джесс встряхнул головой; они вовсе не были новичками. Они являлись натренированным, дисциплинированным отрядом и давно научились работать слаженно. Джесс мог предсказать, как поведет себя кто-то из отряда, лишь взглянув на язык его тела боковым зрением. Никто из них ни разу не промахивался со времен первой недели тренировок, проведенной вместе. Ну, если не считать того инцидента с Тариком, однако тогда тот действовал, выполняя приказ, никаких случайностей.

Патроны, которые стреляют вполсилы, не являлись нормой. Такие все равно могут нанести реальные увечья, если попасть в нужное место на теле, не прикрытое броней, и способны даже сломать кости или повредить внутренние органы. «С чего бы нам использовать их сегодня?» – задумался Джесс. Еще один вопрос, который казался совсем неуместным в сложившейся ситуации. Задание, которое им дали сегодня, было слишком простым, место являлось слишком удаленным, да и обмундирование выглядело очень серьезным. Все казалось слишком странным, и несмотря на то, что лицо Глен выглядело, как безэмоциональная маска, Джесс прекрасно видел, с каким напряжением она двигается. Глен знала что-то, о чем никому из них не рассказала. Джессу очень хотелось подойти и спросить, однако он прекрасно понимал, что это будет опрометчивым решением. Если он заговорит с ней здесь, на глазах у всего отряда, она его отчитает.

Поэтому Джесс молча проверил патроны в своем автомате, убедился в том, что все готово, и, как только остальные тоже собрались, они двинулись в сторону ворот. Центурион со скрипом их распахнул, и облачко песка ударило горячей волной. «Это ненастоящая улица, – сказал себе Джесс. – Просто декорации, и несколько актеров в качестве прохожих, чтобы придать происходящему реалистичный вид. Никакой опасности». Однако Джесс никогда прежде не бывал на подобной тренировке. Он понятия не имел, на что все это будет похоже, и ему хотелось верить, что сегодняшнее испытание станет для них последним.

– У вас тридцать минут, чтобы выполнить задание, – произнес центурион. – Эти ворота являются вашим единственным выходом, так что запомните их расположение хорошенько. Держите ухо востро. И удачи.

«Он выглядит вполне себе дружелюбным человеком», – подумал Джесс. Более того, центурион выглядел как человек, который знает свое дело. Однако еще один его сослуживец, тихий и молчаливый, стоял неподалеку в тени. «Командир запасного отряда», – решил Джесс, а затем задумался, сколько еще солдат готовы задействовать в случае, если что-то пройдет не по плану. «Не так уж много», – пришел к выводу Джесс.

Однако эта мысль опять никак не вписывалась в общую картину происходящего.

У Джесса не оказалось времени все обдумать и сложить детали пазла воедино, потому что его отряд двинулся в сторону опасной территории.

– Что ж, все достаточно просто, – произнесла Глен, когда ворота со крипом захлопнулись за их спинами. – Мне нужно, чтобы вы все сделали идеально. Смотрите в оба. Будьте готовы к тому, что здесь нет безопасных участков. Все ясно?

Джесс всегда был готов к тому, что мир вокруг непредсказуем и опасен, каким бы он ни казался на первый взгляд, потому что... ну, потому что мир и правда был всегда опасен вокруг Джесса. Он отлично это знал, понимал с тех самых пор, когда стал достаточно взрослым для того, чтобы его начали отправлять в качестве гонца через весь Лондон с контрабандными книгами, привязанными ремнями к его груди. С чего бы Глен напоминать им об опасности теперь? Каждый из их отряда всегда вел себя осторожно. И когда наставники снимали с них баллы, это всегда происходило из-за незначительных проступков – внешний вид формы, скорость выполнения упражнения, – но никогда их не наказывали за неосторожность. Должно быть, Глен нервничает так же сильно, как и сам Джесс.

«Если бы я был еще бóльшим параноиком, я бы не смог жить», – подумал Джесс. Эта забавная мысль оставила странный, горьковатый привкус у него на языке, словно ему в рот положили что-то металлическое, и Джесс слотнул, а затем отправился следом за Глен на пустынную, извилистую улочку.

Тренировочный городок на деле оказался совсем не таким, каким ожидал его увидеть Джесс. Улицы *не* выглядели как часть Александрии – где они были широкими и чистыми, а также красиво спроектированными, – а напоминали скорее об Англии. С обветшалыми, тесно стоящими зданиями. Переулки утопали в тени, а на дорогах валялись разные обломки и мусор. Окна магазинчиков были грязными, и когда Джесс заглянул внутрь одного из зданий, то всюду увидел лишь разбросанные, дешевые вещи. Тощая, как скелет, собака, с выступающими под шкурой ребрами, стояла, точно автоматизированное существо, в тени одного из переулков, и Джесса захлестнуло жалостью к бедному животному. Собака вообще должна была находиться здесь? Если бы Джесс не выполнял сейчас важного задания, он бы наверняка остановился, чтобы раздобыть и кинуть собаке кусочек хлеба, однако, как только Джесс об этом подумал, пес тут же вздрогнул, развернулся и тихо скрылся в темном переулке.

И Джесс не видел ни одного актера, играющего роль прохожего, поблизости. Он вообще не видел никого.

Глен уверенно и методично проверяла каждый угол и каждую дверь, пока Джесс и юная девушка справа от него, Хельва, сторожили у затемненного окна, выходящего на улицу. Никому не нужно было говорить, что делать; каждый в отряде прекрасно понимал свою роль в данном деле. Спокойно и бесшумно они прошли вдоль улицы, и на другом ее конце Джесс увидел одинокую фигуру, стоящую на углу. На мужчине была песочного цвета мантия, какие носят сотрудники Великой библиотеки и которая развевалась на порывистом ветру, под мантией же виднелся простой и практичный черный наряд. Его черные с сединой волосы до плеч растрепались, и еще до того, как отряд подошел достаточно близко, Джесс понял, кто их поджидает.

Профессор Кристофер Вульф.

Джесс заметил, как резко напряглась Глен, когда тоже узнала профессора; он понял, что никто не предупредил ее о том, что им предстоит сопровождать профессора, и уж точно никто не сказал ей, что этим профессором будет именно Вульф. Он вообще должен был находиться где-нибудь подальше отсюда. В конце концов, многие вышестоящие по карьерной лестнице сотрудники Великой библиотеки желали избавиться от Вульфа, а некоторые так и вообще предпочли бы его видеть мертвым. Факт того, что Вульф вот так вот беззаботно вышел на публику, да еще и ради какого-то *тренировочного задания*... Это совсем не укладывалось у Джесса в голове и казалось абсолютно неправильным.

Трое из сокурсников Джесса, как он отлично помнил, погибли именно потому, что Библиотека жаждала избавиться от Кристофера Вульфа. Вспоминать о тех днях Джессу не хоте-

лось. Однако, быть может, даже у Вульфа сегодня не было выбора. Коллеги Вульфа, капитана Санти, сегодня на площади на всеобщем сборе видно не было. Где же он тогда? Если кто-то угрожал жизни Санти, Вульф вполне мог согласиться на многое. Он уже делал подобное раньше.

Если профессор Вульф и находился сегодня здесь по принуждению, он никак не выдавал своей тревоги. Он излучал не что иное, как непоколебимую силу, впрочем, как и всегда, что лишь подтвердил его снисходительный взгляд, когда он взглянул на отряд. Даже на Глен и Джесса профессор Вульф посмотрел равнодушно.

– Вы двигаетесь так, словно прогуливаетесь по бульвару, – произнес профессор Вульф, обращаясь к Глен, которая кивнула ему, точно это была формальная встреча. – Я полагал, вы должны стать солдатами элитного войска Великой библиотеки. Вас что, обучают переводить старушек через дорогу?

– Лучше уж переборщить с осторожностью, чем умереть, сэр, – сказала Глен. – Вы ведь отлично это знаете.

– Знаю? – Выражение лица профессора, как решил Джесс, сегодня еще более серьезное и угрюмое, чем обычно, а под глазами у него темные круги, которых не было раньше. Вульф выглядел исхудавшим и настороженным. – Что ж. Тогда постарайтесь, чтобы я сегодня выжил, и давайте поскорее завершим ваше задание, отряд трупов.

Джесс бросил взгляд направо и увидел, как Хельва вздрагивает после последних слов Вульфа. Она не разделяла чувства юмора профессора, которое очень часто было почти что слишком жестоким; новобранцев бывалые солдаты нередко называли отрядами самоубийц, однако никто никогда не говорил что-то подобного прямо в лицо. Вероятно, профессор Вульф вел себя так прямолинейно потому, что хотел, чтобы они не расслаблялись и были начеку.

– Никакая опасность вам сегодня не угрожает, профессор. Держитесь за мной и между Брайтвеллом и Свендоттер. – Если шутка Вульфа и застала Глен врасплох, то она ничем не выдала своих эмоций. «Она многому научилась за проведенное здесь время», – подумал Джесс. Он, кажется, даже заметил искру усмешки, блеснувшую в ее глазах, однако эта искра моментально исчезла, когда Глен повернулась, чтобы осмотреть улицу. Вульф же встал между Джессом и Хельвой. Джесс бросил короткий взгляд на профессора и пришел к выводу, что мало того, что у Вульфа не было никакого оружия, так на нем еще и не было никакой брони под шелковой мантией. Если в него попадет хотя бы одна пуля, он рискует получить серьезные, а может, и смертельные травмы и ранения. Почему ему не выдали такое же обмундирование, как всем членам их отряда?

«Все это неправильно», – снова подумал Джесс, однако он не мог сейчас начать задавать Вульфу вопросы, только не те, которые на самом деле хотел задать. «Кто приказал вам сюда прийти?» и «Был ли у вас выбор?». Потому что, будучи солдатом, Джесс не имел права требовать подобную информацию. У него было задание. Ему нужно лишь выполнить это задание идеально. У него нет права на ошибку.

Глен провела всех вдоль улицы спокойным и уверенным шагом, осмотрительно проверяя каждую дверь и каждый магазин. Джесс с Хельвой следили за верхними этажами и крышами, и пока что, не считая исхудавшей, изголодавшейся собаки, все выглядело пустым. Все вообще было неподвижно за исключением их одежды, развевающейся на ветру, и пыли, вьющейся вдоль брусчатки на дороге. Квартал выглядел пустынным и мертвым.

Джесс вздрогнул от неожиданности, когда Вульф произнес:

– Дом справа от нас, третий от переулка. Там мы и найдем свою награду. Чем быстрее мы со всем этим расправимся, тем лучше, полагаю. – Джесс с трудом удержался от того, чтобы повернуть голову и посмотреть, куда именно указывает профессор Вульф, однако сумел с собой совладать и продолжил смотреть прямо, пока остальные начали пялиться. – Вероятнее всего, вам попытаются дать отпор, когда вы начнете конфисковывать книги. – Голос Вульфа

звучал так сухо, казалось, он испарится на ветру. Разумеется, им попытаются дать отпор. Владеть подлинными книгами строго-настрога запрещено. И тем не менее вопреки всем запретам их покупали, прятали, продавали и перевозили контрабандой. Люди редко отдают подобные ценности, просто пожав плечами.

Эта обязанность в качестве солдата элитного войска была одной из самых нелюбимых у Джесса: отбирать книги из рук людей, кто эти книги поистине любил – если, конечно, люди не были извращенными пожирателями чернил, которые находили наслаждение в том, чтобы уничтожать редкие и оригинальные произведения. В таком случае Джесс был бы только рад заковать их в кандалы и кинуть в камеру библиотечной тюрьмы. Конфискация книг была одной из тех процедур, во время которой Джесс в принципе чувствовал себя неуютно, особенно когда это касалось радикальных мер, на которые Библиотека готова была пойти, чтобы удостовериться, что *все* знания и *вся* информация проходят именно через них. Подобные жестокие меры вовсе не являлись признаком уверенности в себе. Не являлись признаком чистоты сердца и искренности намерений.

Вульф шагал молча, и Джесс задумался, не сказали ли ему больше, чем им. Учитывая, что в последнее время Библиотека не особо доверяла профессору, возможно, ему предоставили не больше информации, чем солдатам. Джесс привык думать о профессоре как о человеке, который владеет многими тайнами, однако, несмотря на всю свою видимую уверенность и способность *выглядеть* всезнающим, Вульф находился сейчас в таком же непрестом положении, как и Джесс, а может, и не только сейчас. Осознавая то, что Вульф был простым смертным, как и все они, Джесс снова подумал о том, в какой опасной ситуации они теперь оказались.

Они прошли вдоль улицы, и Глен ускорила шаг, вероятно, сама того не замечая; ей не сообщили о том, что отряду предстоит охранять профессора Вульфа, Джесс заметил это по напряженным плечам. И Глен совсем не радовало то, что улицы вокруг них выглядели подозрительно пустынными, как не радовало и Джесса.

Когда на них напали, то нападение произошло резко и быстро, а снаряды полетели сверху. Джесс чуть было не упустил момента, когда все это началось; нападающие очень хитро расположились, воспользовавшись утренним ослепляющим солнцем, и Джесс заметил лишь какое-то подозрительное движение, которое можно было бы принять за пролетевших мимо птиц, однако глубоко в душе Джесс отлично знал, что это не птицы. За секунду до того, как Джесс закричал: «Слева от нас!» – он услышал, как Хельва кричит: «Справа от нас!» – и в тот же момент на них обрушился первый снаряд. Джесс и Хельва одновременно начали стрелять в тени на вершине крыши, и рев выпускаемых пуль заглушил все остальные крики.

Кто-то схватил Джесса сзади за униформу и дернул так сильно, что он чуть не рухнул, лишь чудом удержавшись на ногах, сделав три шага назад. В цель Джесс не попал, однако эти три шага спасли ему жизнь. Оказавшись в новом положении, Джесс увидел, как в них летят стеклянные бутылки, в которых на солнце поблескивает зеленая жидкость.

Бутылки разбивались о землю, и, пока все разбежались в разные стороны, Глен закрыла своим телом Вульфа и утянула его в сторону ближайшей двери, в то же время стреляя вверх. Вдруг Джесс ощутил внезапное и странное дуновение сзади на своей вспотевшей шее, а затем густая субстанция, известная под названием «греческий огонь», который содержался в разбитых бутылках, взорвался, вспыхнув с шипением и ревом. Волна жара окатила Джесса, и на миг он испугался, что пламя перекинулось на него, однако когда повернулся, чтобы посмотреть, то увидел огромный столб огня, поднимающийся в небо.

«Это вовсе не тренировочное задание. Все это происходит вовсе не вполсилы». Миллион вопросов разом промчались в голове Джесса, однако думать об этом сейчас было бессмысленно. Очевидно, что капитан Санти обо всем этом не знал, потому что ни за что бы на подобное не согласился. И профессор Вульф бы не согласился, если бы у него действительно был выбор.

Все это уже не имеет сейчас значения. Противники, расположившиеся на крыше, помимо греческого огня также имели и другое оружие. Похоже, первая волна снарядов все же никого не ранила, и отряд Джесса притаился на безопасных участках, какие представляли дверные проемы, а пули – которые тоже ударяли вовсе не вполсилы – оставляли дырки в кирпичах вокруг них. Глен разбила стекла грязной витрины магазина рядом и приказала Хельве пойти внутрь и осмотреть помещения, пока Глен прикрывает Вульфа, присевшего в углу, чтобы стать незаметным. Профессор, как и всегда, выглядел сосредоточенным. Напряженным. Готовым ко всему.

А еще безоружным и абсолютно беззащитным.

Джесс пытался унять дрожь. Несмотря на то что он должен быть напуган в сложившейся ситуации, дрожал он скорее от переполняющего его адреналина, от готовности сражаться с врагом. И он вдруг понял, что очень и очень злится. Злится, потому что его в очередной раз загнали в ситуацию, над которой он не имеет ни малейшего контроля, в которой никто и не думал заботиться о его жизни. Злится, потому что Глен, профессор Вульф и другие члены его отряда, к которым он так старался не привязываться, могут снова заплатить страшную цену и отдать свою жизнь.

Джесс увидел противника на крыше, прицелился и выстрелил, а затем увидел, как его пуля находит свою мишень. Кто-то упал, хотя против слепящего солнца это казалось лишь промелькнувшей тенью. «Отлично». Джесс снова прицелился, выстрелил, на этот раз промахнулся, но попал в следующую тень, которая промелькнула на крыше следом.

Джесс бросил беглый взгляд на Глен с Вульфом, просто чтобы удостовериться, что они по-прежнему целы и невредимы; Глен отлично держала себя в руках, выражение ее лица оставалось беспристрастным, а взгляд блестел, когда она целилась и стреляла. И каждый ее выстрел находил цель. Отблески зеленого греческого огня на ее коже делали ее похожей на автоматизированного механического воина... Если не считать, конечно, сдержанную и едва заметную довольную улыбку на губах.

Для Глен, кажется, это был ее звездный час.

Джесс сначала проигнорировал, когда Тарик сошел со своего поста рядом с ним, полагая, что его товарищ просто пытается найти получше позицию для стрельбы. Однако Джесс все равно проследил за Тариком скорее инстинктивно, все еще хорошо припоминая, как тот выстрелил Джессу в спину на тренировке. Тарик вовсе не следит за движениями нападающих, вдруг осознал Джесс в следующее мгновение. Товарищ смотрел прямо на Глен и Вульфа и направлялся туда, откуда он мог бы выстрелить прямо в незащищенное тело профессора и где Глен не могла бы ему помешать.

Джесс не поверил своим глазам, во всяком случае, не сразу. Он видел и понимал, что происходит, однако осознал увиденное лишь секундой позже, когда Тарик вскинул свой автомат. Профессор Вульф, будучи без брони или какой-либо защиты, не отделается простым синяком, как отделался на тренировке Джесс – да и сегодня они были вовсе не на очередном занятии по стрельбе. Патроны, которые бьют вполсилы, все равно могут сильно покалечить и даже убить... Если у Тарика в оружии вообще были патроны, которые стреляют лишь вполсилы. Каким-то образом Джесс осознал, что патроны у товарища боевые.

«Тарику приказали убить Вульфа».

Джесс почувствовал это в глубине души, уверенность была настолько сильной, что он даже не задумался, откуда та взялась. Тарик, которому и раньше отдавали приказы стрелять по своим же товарищам, может даже не подозревать о том, что он поступает неправильно. Он может быть абсолютно невиновным.

И все равно он послужит оружием убийства профессора.

Джесс понял, что ему не хватит времени, чтобы добраться до Тарика и предупредить его или же остановить стрельбу. Правильного выхода из данной ситуации не было.

Джесс поднял оружие, прицелился и выстрелил до того, как Тарик нажал курок.

Его сотоварищ, его *друг*, припал к стене, его губы сложились изумленной буквой «о», а оружие выпало из рук и рухнуло на брусчатку.

Затем Тарик сполз по стене, оказавшись в сидячем положении, сторбившись и задыхаясь от выстрела пули Джесса, которая попала прямо в середину груди. Лицо Тарика приобрело ужасный белесый оттенок, когда его глаза закрылись. «Только не умирай. Боже, пожалуйста, только не дай ему умереть». Если греческий огонь был настоящим, то, быть может, патроны тоже были настоящими. Однако Джесс попал в броню, не в плоть. Джесс не видел крови, что хоть как-то его успокоило. «У меня не было иного выбора». Ему ведь пришлось выбирать между Тариком и профессором Вульфом.

Джесс перебежками подобрался к Тарику и прижал пальцы к шее молодого человека. Пульс был, и Джесс подтащил Тарика к укрытию дверного проема, а затем зигзагом бросился обратно к Глен с Вульфом.

Глен все видела и нацелила дуло своего автомата на Джесса, когда он приблизился.

– Стой! – крикнула она.

– Я спас Вульфу жизнь, дурочка! – закричал Джесс в ответ и, проигнорировав угрозу, подскочил к стене рядом с профессором. Джесс встал спиной к Вульфу, закрывая его от потенциально *дружественного* огня с другой стороны. – Это не просто еще одно задание!

– Да неужели? – сорвалась Глен. Ее голос звучал слегка раздраженно, словно кто-то взял последний круассан с подноса за завтраком у нее перед носом. – Я видела, что произошло. Тарик целился прямо в Вульфа. Ты его убил?

– Нет.

– Хорошо. Тогда он сможет ответить на пару вопросов и узнать, каково это, получить пинок моим ботинком. – Слова Глен прозвучали на удивление добродушно, отчего Джессу стало немного не по себе. Она бросила быстрый, словно молния, взгляд через плечо во тьму залов магазинчика и крикнула: – Хельва! Там все чисто? – Ответа не последовало. Глен взглянула на Джесса, затем произнесла: – Уведи его внутрь. Осторожно.

– Ты уверена?

– Что бы ни было внутри, там безопаснее, чем здесь. Они передвигаются на новую позицию. Скоро нас загонят в ловушку.

Двое их товарищей – не считая Тарика, который, быть может, вовсе никогда и не был членом их отряда, – были уже повержены и лежали, не двигаясь. Когда Джесс посмотрел на крыши зданий напротив, то осознал, что Глен была права: пули больше не летели на них, хотя сверху бросили еще один снаряд с греческим огнем, который извергал языки пламени и клубы токсичного дыма, тянущиеся к безоблачному небу. Это явно был отвлекающий маневр, предназначенный дать противникам время занять новые позиции и продолжить стрельбу. Внутри магазина определенно будет безопаснее.

Джесс схватил было Вульфа за плечо, однако профессор отдернул руку, одарив Джесса испепеляющим взглядом, который был ему знаком еще со времен учебы.

– Со мной все в порядке, Брайтвелл, – сказал Вульф.

Джесс вытащил из-за пояса свой запасной маленький пистолет и протянул его профессору. Вульф посмотрел на пистолет с таким выражением лица, что Джесс был почти уверен, что видит в глазах профессора некую тоску и желание принять оружие, однако затем Вульф покачал головой и произнес:

– Если я буду безоружен, объяснить мою смерть будет куда сложнее. – Вульф развернулся и ловко забрался внутрь сквозь разбитое окно, избегая острых углов, а затем спрыгнул на пол. Джесс тихо выругался и засунул запасной пистолет обратно за пояс, а затем последовал за профессором. Ему, однако, не удалось избежать острых осколков разбитой витрины, и он почув-

становал, как стекло полоснуло его по щеке, словно огнем, когда он спрыгнул на пол внутри магазинчика следом за Вульфом.

Ступив внутрь, Джесс обнаружил, что Вульф сделал лишь шаг вперед и стоит теперь очень неподвижно, вскинув руку, чтобы преградить Джессу путь и не позволить проскочить дальше.

– Нет, – произнес Вульф тихо. – погоди.

– Почему? – Джесс прекрасно понимал, что в этот самый момент его спина и спина Вульфа являются легкой мишенью для тех, кто остался снаружи на улице, поэтому все-таки сделал маленький шагок в сторону профессора, чтобы постараться заградить его от потенциально летящих пуль. – Идите в безопасное место!

– Прислушайся.

И тогда Джесс услышал чьи-то негромкие стоны боли. Джесс помнил, что первой сюда вошла Хельва, и он не слышал, чтобы она ответила им на вопрос о том, безопасно ли внутри.

– Ложитесь! – вскрикнул Джесс и толкнул профессора Вульфа в сторону перевернутого набок стола, который создавал хоть какую-то иллюзию защиты. – Оставайтесь там! Глен, Хельва, ложитесь!

Голос Глен снаружи прозвучал отрывисто, но спокойно:

– Сначала удостоверься, что профессор в безопасности.

Джесс вытащил маленькую запечатанную бутылочку, закрутил крышку, встряхнул, и внутри появилось бледное желтоватое свечение, когда ингредиенты в бутылке смешались. Это была более слабая версия греческого огня – ослепляющая, но невзрывающаяся. Джесс поднял бутылку и отвел ее в сторону на случай, если кто-то попытается стрелять, ориентируясь на свечение. Однако несмотря на то, что несколько пуль все-таки просвистели снаружи, ни одна из них не полетела в их сторону.

Джесс увидел Хельву, сидящую на полу на другой стороне маленького, загроможденного помещения магазинчика. Ее глаза были распахнуты, и она все еще дышала; Джесс мог видеть, как вздымается и опускается ее грудная клетка.

– Хельва! – позвал Джесс. Она не двинулась с места и даже не повернула к нему головы, однако ему показалось, что ее взгляд метнулся в его сторону. Что бы с ней ни случилось, ранение было серьезным. Джесс повернулся к Вульфу и произнес: – Оставайтесь здесь.

Профессор кивнул. Джесс осторожно двинулся по залу, заставленному разбитой и пыльной мебелью. Помимо мебели здесь валялись прогнившие тряпки и всякая разбитая утварь, которую накидали явно для вида, чтобы усложнить им задание. Джесс не видел никаких затаявшихся по углам неприятелей, да здесь для них попросту и не нашлось бы места. Задняя дверь была до сих пор заперта, однако Джесс полагал, что кто-нибудь мог выстрелить в Хельву из-за двери, а затем снова ее закрыть. На всякий случай Джесс дернул ручку этой двери. Она оказалась заперта на ключ.

Джесс опустился на колени рядом с Хельвой, отложил фонарь и оглядел девушку на наличие ранений и травм. Крови видно не было. Хотя погодите-ка... тонкая струйка крови бежала по ее руке.

Что-то шевельнулось на сгибе руки Хельвы, и на безумное мгновение Джесс подумал, что у нее выросла третья рука, пока в следующее мгновение некое интуитивное знание в глубине души не подсказало ему, что это за странное, скользящее движение у нее на груди.

«Кобра».

Джесс невольно дернулся, и кобра отреагировала, изогнувшись так, что оказалась на уровне его глаз, широко раскинув свой кожаный капюшон вокруг гладкой головы. Черные глаза змеи поблескивали в золотистом свете фонаря, и на какой-то жуткий миг змея напомнила Джессу призрак древнего фараона, восставшего из мертвых. Кобра медленно покачивалась, наблюдая за ним.

Где-то за спиной Джесса раздался голос профессора Вульфа:

– Не двигайся.

Джесс не двигался. Он замер так неподвижно, как только мог, обмениваясь взглядом с рептилией, которая медленно продолжала покачиваться перед ним. Джесс знал о змеях не так много – нечасто можно было встретить змею в Англии, и уж точно не такую смертоносную, – однако он знал, что внезапные и резкие движения не приведут ни к чему хорошему, даже если все, что он хотел сделать, – это броситься назад. Кобры, как говорила Джессу его подруга Халила, могут напасть с расстояния всего своего тела, а длина этой змеи казалась не меньше роста самого Джесса. По крайней мере, египетские кобры не плевались. Джесс вдруг начал вспоминать на удивление много информации, полученной на лекциях их новоиспеченного профессора Халилы Сеиф, хоть и слушал тогда вполуха. Самое ужасное было то, как Джесс помнил, что яд кобры может оказаться смертельным, если его немедленно не нейтрализовать.

– Отойди назад, очень медленно, – услышал Джесс голос Вульфа. К счастью, сам профессор не сдвинулся с места. – И очень осторожно. Египетских кобр не особо интересует территория, она просто хочет уйти, а не нападать. Так что дай ей возможность убраться восвояси.

– У нее была возможность, – ответил Джесс. – Она не ушла.

– Ее привлекло тепло тела. И прекращай болтать, а сделай, как я говорю!

Взгляд Хельвы тоже был прикован к Джессу. Ее лицо приобрело грязно-серый оттенок и покрылось потом, и Джессу совсем не нравилось, с каким трудом девушке дается каждый вздох. Кобра продолжала следить за Джессом, что в данном случае, он полагал, было к лучшему: если она снова укусит Хельву, той уже точно не выжить. «Я могу попытаться застрелить змею», – подумал Джесс. И если он хорошенько прицелится, то сможет ее убить. Однако если промахнется, та может укусить его или Хельву, а если он попадет в Хельву даже полубоевыми патронами, то это может кончиться трагедией.

– Отходи, – снова сказал профессор Вульф. – Давай же, Брайтвелл!

Именно командный тон в голосе Вульфа наконец заставил Джесса подчиниться. Он так привык выполнять указания профессора, будучи студентом, что до того, как его передний отдел головного мозга успел возразить, задний отдел мозга уже начал двигать его ноги назад, медленно скользя коленями по полу. Змея задрожала, точно размышляя, нападать ли ей или нет, однако осталась на месте, лишь наблюдая за тем, как Джесс отступает.

Капюшон кобры медленно сложился, и она – на этот раз плавно и быстро – соскользнула с руки Хельвы и направилась в темный угол помещения. Джесс наблюдал, не шевелясь, пока не удостоверился, что змея и правда сбегает, а затем глубоко, с облегчением выдохнул и бросился к Хельве. Она попыталась было сесть, однако Джесс остановил ее.

– Сколько прошло времени? – спросил он у нее. Хельва изогнула свои побледневшие губы в слабой улыбке.

– Несколько минут, – ответила она. – Я боялась, что она снова меня укусит, так что не осмелилась позвать на помощь. Спасибо.

– За что? Я даже не убил эту тварь. – «Мне следовало ее убить», – добавил про себя Джесс, глядя на пепельное, вспотевшее лицо подруги. Ему следовало убить кобру. А что, если та вернется?

Обнаружив кобру, Джесс настолько опешил, что совсем позабыл о стрельбе снаружи, пока не осознал, что выстрелы прекратились, а затем его охватило новое беспокойство, разливаясь неприятным покалыванием по всему телу. Джесс обернулся и увидел Глен, пробравшуюся в магазинчик сквозь разбитую витрину. Она по-прежнему внимательно наблюдала за улицей снаружи, однако сейчас хотя бы на секунду все, казалось, затихло.

– Что с ней? – спросила Глен у Джесса, даже не оборачиваясь.

– Кобра укусила, – ответил Джесс, зная, что двух слов Глен достаточно, чтобы все понять. Им полагалось иметь в отряде врача, если они были на настоящем задании, однако на тренировках у них была лишь аптечка первой помощи и ничего, что могло бы помочь обезвредить яд. – Нужно вывести ее отсюда.

– Нет, – сказала Глен. Ее голос звучал спокойно, хотя и мрачно. – Джесс, мне нужно, чтобы ты позвал помощь. Найди Санти. Приведи врача для Хельвы и всех остальных, кому нужна помощь.

– Ты думаешь, на нас напали по-настоящему?

Глен сдержанно кивнула, однако Джесс видел, как она при этом стиснула челюсти и как напряглись ее плечи. Она злилась.

– Пробрись к воротам, – сказала она. – Приведи сюда капитана Санти, *не* капитана Фенга. И смотри внимательно по сторонам. Иди, Джесс.

Джессу не нравилось, что придется оставить Глен здесь одну защищать профессора Вульфа, однако, опять же, вряд ли бы он доверил эту работу кому-то кроме нее. И с горечью Джесс осознал, что сама Глен тоже не доверила бы это задание никому, кроме него. Он вырос, доставляя книги отца по опасным, запутанным улицам Лондона. И Глен это знала.

– Вот, – сказал Джесс и бросил Глен свой автомат. – Мне он не понадобится, да и лишний вес только замедлит.

Глен поймала оружие одной рукой и передала Вульфу. Когда профессор хотел было возразить, она одарила его серьезным взглядом и произнесла:

– Возьмите. Полагаю, теперь уже нет смысла сохранять нейтралитет.

В руках Вульфа оружие выглядело чуждо, однако Джесс отлично знал, что профессору было не впервой сражаться или даже убивать, если уж на то пойдут.

Джесс бросил еще один быстрый взгляд на Хельву, которая сумела ему улыбнуться. Теперь она тоже взяла в руки оружие, маленький револьвер, и сказала:

– Беги быстро.

– Я всегда бегаю быстро, – ответил Джесс и, помня о кобре, которая все еще сновала где-то в темном углу, осторожно двинулся в сторону задней двери. Открыв дверь, он проверил обстановку. Вроде бы путь был свободен. Солнце в переулке казалось ослепляющим после темноты зала, и Джесс сделал глубокий вдох, дожидаясь, пока его глаза привыкнут к свету, а затем вышел и обернулся, изучая крыши зданий вокруг. Видно никого не было, а значит, у него есть шанс на успех.

Бежать так, словно твоя жизнь зависит от каждого шага, давно стало для Джесса чем-то привычным, даже родным, как старый, любимый костюм. Его это не пугало: он играл в догонялки с лондонской полицией все свое детство, а бегать по огромному лабиринту города было куда сложнее, чем по этим прямым улицам, выстроенным по четким углам. Это также означало однако, что и прятаться будет сложнее, будет меньше шансов оторваться от преследователей среди тупиков и узких проулков. Ему придется рассчитывать лишь на свою скорость.

Джесс сделал три глубоких вдоха, рассчитал свое местоположение относительно солнца и своих воспоминаний о том, как далеко от ворот ушел их отряд, а затем бросился бежать. В соседнем переулке он свернул, чтобы срезать и попасть на главную улицу, ворота на которой – как сказал им центурион – являлись единственным выходом. Не было смысла терять время.

Первый квартал миновать оказалось проще простого; Джесс застал своих противников врасплох, и когда он выбежал на противоположной стороне переулка, то пронесся мимо, словно мираж. Джесс слышал, как ввысь, словно дым, взвились крики и как на крышах наверху началась возня, однако позиция у врагов оказалась неудачной для нападения. Кто-то попытался выстрелить в Джесса, однако эта попытка не увенчалась успехом. Пробежав еще несколько шагов, Джесс услышал новый выстрел, но и теперь попасть в него врагам не удалось.

Кто-то на крышах все же сумел сориентироваться или же просто оказался в удачном месте, потому что Джесс увидел, как бутылка греческого огня летит на землю на расстоянии нескольких метров от него. Хорошего решения тут не было: если Джесс сейчас свернет в сторону, то потеряет ценные секунды, а тогда нельзя предсказать, в какую сторону вспыхнут языки пламени. Бежать же напролом тоже было нельзя. Густая жидкость прилипнет к телу и одежде, и ее невозможно будет стряхнуть или смыть. Джесс обожжется.

Когда бутылка ударилась о землю и полыхнули языки пламени, Джесс метнулся к ближайшей стене. Он ускорился, а затем, сопротивляясь силе притяжения, сделал два резких шага по стене, оттолкнувшись от нее и пролетев, словно стрела, мимо зеленого пламени, вспыхнувшего посередине дороги. Джесс больно ударился, приземлившись на плечо, и упал достаточно близко, чтобы токсичный дым наполнил его легкие, однако, быстро прокашлявшись, перекатился на ноги и продолжил бежать. За спиной снова засвистели пули, однако ни одна не попала в цель, а пылающий за его спиной огонь теперь стал, к счастью, прикрытием.

До ворот оставался всего один квартал, Джесс свернул и побежал еще быстрее. Теперь его сердце стучало, как бешеное, а легкие горели от быстрого дыхания и дыма, однако цель была уже почти достигнута.

В этот самый момент одна из пуль попала в него, прямо в спину, ударив по мягкой броне, скрытой под библиотечным плащом, достаточно сильно, чтобы сбить его с ног и выбить весь воздух из легких. Задыхаясь, парализованный болью, Джесс рухнул на землю, беспомощно трясясь, словно рыба, выброшенная на сушу, судорожно пытаясь набрать в легкие воздух. «Точно в то же место, куда попал не так давно Тарик». Перед глазами заплясали черные и красные пятна, а боль накрывала волнами, точно горячий греческий огонь. «Я умираю», – подумал Джесс, и эта мысль показалась непостижимой, потому что ворота были *очень близко*. Спасение Вульфа, Глен, Хельвы – жизнь каждого. Они зависли от него.

Джесс не справится.

«Ты справишься, – сказал сам себе Джесс, пытаясь побороть захлестывающий и сводящий с ума страх. – Ты должен! Поднимайся. Поднимайся! Давай же!»

Легкие, которые свело судорогой, наконец заработали, и Джесс вдохнул так быстро, что воздух показался обжигающим, а затем закашлялся и почувствовал металлический привкус крови. Боль не имела значения; теперь Джесс мог дышать, и боль не могла его остановить. *Не сможет* его остановить.

Джесс встал на колени, а затем снова поднялся на ноги. Он с горечью осознавал, что теряет драгоценное время, что преследователи нагоняют его с каждой секундой, когда он снова бросился вперед. Осталось преодолеть всего половину квартала – совсем ничего, лишь несколько шагов. «Беги. Просто беги».

Несмотря на то что пули были предназначены для того, чтобы бить вполсилы (Джесс думал, что они стреляют вполсилы, иначе ему бы не удалось подняться и в первый раз), они свистели в воздухе мимо него так близко, что он ощущал тепло на своих щеках. И горячий пустынный песок дул в лицо, словно сама улица пыталась противиться и остановить Джесса, однако он продолжал напирать, теперь уже с трудом понимая, куда вообще бежит, едва держась на ногах. Капли крови тянулись за Джессом по брусчатке, и на секунду в панике ему показалось, что он вернулся в Лондон, и испугался, что механические львы отыщут его по этому кровавому следу...

«Сконцентрируйся».

Джесс опустил голову и приказал своим мышцам не обращать внимания на боль, а затем собрал все свои оставшиеся силы в кулак и побежал еще быстрее.

Джесс подскочил к запертым воротам на конце улицы, через которые отряд входил, и врезался в деревянные створки. Ударил ослабшим кулаком, однако легкие еще слишком сильно болели, чтобы осмелиться кричать.

Беззащитный. Словно жучок, пришпиленный к дощечке. В этот самый момент Джесс был наиболее уязвим, являясь легкой мишенью для каждого, кто приложит хоть немного усилий и прицелится.

С болью сделав вдох, Джесс закричал:

– Я у ворот! Откройте! Откройте сейчас же!

К его неожиданности и облегчению, ворота в следующую секунду широко распахнулись. Джесс чуть было не рухнул вперед, однако центурион, который их провожал, поймал Джесса. Мужчина воскликнул:

– Что, во имя Ра⁴, там происходит? Вы что, идиоты, учинили войну?

– Санти, – лишь выдохнул Джесс. – Капитан Санти. Приведите его. Сейчас же.

– Послушай меня, новобранец, ты не имеешь права требовать присутствия капитана элитного библиотечного войска просто потому, что...

Джесс схватил центуриона за ворот и резко дернул, притянув так близко к себе, что учуял его несвежее дыхание.

– Приведите его! – повторил Джесс. – У нас раненые, и нашего профессора убьют, если вы не пошевелите задницей прямо сейчас!

– Профессора? Какого профессора? Ты не имеешь права отдавать мне приказы, мелкий ты... – Он внезапно умолк. Джесс вытащил свой боевой ножик и легонько приставил лезвие к животу центуриона, точно к тому месту, где ранение будет наиболее опасным.

– Нас кто-то предал, – произнес Джесс. – Скажите, что это не вы.

Выражение лица центуриона было сложно прочесть, однако он выглядел скорее разозлившимся, чем виноватым.

– Лучше воспользуйся своей игрушкой, – произнес он, – если считаешь, что я стал бы рисковать новобранцами. Каким образом я мог вас предать?

– Греческий огонь. Боевые патроны. Вы все слышали. Это никакое не тренировочное задание.

Выражение лица центуриона никак не изменилось, однако Джесс уловил некие изменения: положение ног, напряжение вокруг глаз.

– Опusti оружие, мальчишка. Пока мой товарищ не расстроился.

«Товарищ». – Джесс почувствовал, как кто-то перемещается за его спиной, и понял, что там стоит другой солдат, который готов выстрелить, если потребуется.

– Скажите, что вы не заодно с ними, – произнес тихо Джесс.

– Я не заодно с ними. – Центурион взглянул куда-то за спину Джесса и кивнул. – Опusti оружие. – Затем снова перевел глаза на Джесса. – И ты тоже.

Ничего больше не оставалось делать. Джесс сделал шаг назад и убрал свой ножик, а затем произнес еще тише:

– Нам нужно противоядие от укуса кобры для одного из наших солдат. Принесите его тоже.

Одну долгую секунду центурион не двигался с места, но затем опять взглянул на солдата за спиной Джесса и сказал:

– Передай послание. Нам нужен капитан Фенг.

– Не Фенг, – оборвал Джесс. – Санти.

– Санти не отвечает за эту...

– Приведите Санти!

Быть может, центурион не поверил Джессу, однако он определенно готов был подыграть ему. Джесс подумал о том, что в ближайшем будущем его, вероятно, ждет суровое наказание

---

⁴ Ра – бог Солнца и верховное божество в мифологии Древнего Египта.

за свое бестактное поведение, однако теперь ему уже было плевать. И, должно быть, центурион тоже все это понял, потому что сдержанно кивнул и добавил:

– Противоядие есть у меня в рюкзаке. Сейчас достану.

– Не двигайтесь, – сказал Джесс. – Я вам не доверяю.

– Послушай, мальчишка, я мог бы отобрать у тебя твой ножик с легкостью, с которой у младенца отнимают игрушку, – ответил мужчина. – Так что я беру рюкзак.

Когда захлестнувшая Джесса в первые минуты волна адреналина начала отступать, он осознал, что центурион, вероятно, и правда мог бы с легкостью его одолеть, поэтому кивнул. Центурион наклонился, поднял свой полевой рюкзак и надел. Затем он вытащил свой тяжелый черный автомат, куда более мощный, чем тот, который был у Джесса, и наверняка заряженный патронами, которые бьют вовсе не вполсилы.

– Ну? – сказал он, когда Джесс уставился на него. – Тогда пошли. Ты ведешь меня внутрь. Мне нужно узнать, что случилось.

– Мне нужно оружие.

– А где твое?

– Я отдал его профессору.

Центурион сердито на него посмотрел, но затем вытащил свой запасной пистолет и протянул Джессу.

– Попытаешься стрелять в меня, и я тебя прикончу, – сказал он. – Я центурион Табани Бота, запомни на случай, если я умру.

– Брайтвелл, сэр.

– Отлично. Теперь мы друзья. Вперед.

Джесс все еще был на взводе, и все тело у него болело, однако он не стал возражать; он просто развернулся и повел Бота обратно за ворота, сам тем временем наблюдая за обстановкой на крышах. Теперь вокруг воцарилась пугающая тишина, и никто в них не пытался стрелять, хотя языки греческого огня до сих пор гневно полыхали поблизости. Взглянув на огонь теперь, Джесс поразился, как ему удалось пробраться сквозь пламя, так как оно перегородило почти всю улицу за исключением маленького островка у дальней стены. Они с Бота протиснулись мимо огня как можно быстрее. Как только они оказались на безопасном расстоянии от пламени, Бота мрачным голосом произнес:

– Мне не сообщили, что вместе с заданием по конфискации вас будет ждать симуляция поджигателей.

– А что, если это не симуляция? Поджигатели могли сюда пробраться?

Бота ничего не ответил. Быть может, он и сам не знал, а может, просто не хотел ничего говорить. Однако Джесс сомневался, что те, кто на них напал, и впрямь были членами движения поджигателей. «Тут замешаны сами библиотечные солдаты», – подумал Джесс. В конце концов, Тарик ведь напал на них. После произошедшего здесь появится много вопросов.

Бота вскинул сжатую в кулак руку, и Джесс моментально остановился. Они как раз стояли на углу, и Бота выглянул, а затем снова посмотрел на Джесса. Его глаза сузились, а взгляд похолодел.

– Сколько их там?

– Не знаю. Я видел лишь тени на крышах. Может, десять?

– Вооруженные греческим огнем?

– И пистолетами, – кивнул Джесс, хотя и знал, что Бота об этом не забыл. Он просто нервничал. Сглотнув, Джесс добавил: – Если увидите кого-то из моего отряда, тоже смотрите в оба. Полагаю, некоторые из них могут оказаться... – Он умолк, потому что не хотел говорить прямо и называть кого-то предателями, однако смысл уже сказанного все равно сделал паузу напряженной.

Бота лишь пожал плечами.

– Я всегда смотрю в оба, когда нахожусь рядом с новобранцами. Они могут запаниковать и подстрелить меня.

В этот момент Джесс решил, что ему все-таки нравится этот человек.

– Тогда лучше идите за мной, – сказал Джесс. – По крайней мере я доверяю вашей меткости. – Он сделал шаг и вышел на улицу. На секунду Джессу стало не по себе, потому что он ожидал, что в него полетит пуля, однако этого не произошло. Вокруг царила полнейшая тишина, если не считать шороха вьющегося на ветру песка и треска пламени за спиной. Посреди улицы впереди начавшийся еще во время нападения пожар уже утихал, и Джесс использовал его дым как опознавательный знак, чтобы отыскать Тарика. Тот по-прежнему лежал на том же месте, где и упал. Джесс хотел было остановиться рядом с ним, однако Глен, Вульф и Хельва нуждаются сейчас в помощи больше. Остальное Джесс может выяснить и чуть позже.

Глен вышла из тени разбитой витрины магазинчика и подняла автомат, указав дулом на Бота, стоящего рядом с Джессом.

– Стоять, – произнесла Глен, и Джесс буквально почувствовал, как Бота напрягся. – Бросьте оружие!

– Он пришел нам помочь, – возразил Джесс. – У него есть противоядие для Хельвы, и капитан Санти скоро придет.

– Неси антидот, Джесс, – ответила ему Глен. – Этому я не доверяю.

Бота рассмеялся. Смех его прозвучал искренне веселым.

– Умный ход, – сказал он и бросил свой рюкзак на землю к ногам Джесса. – Забирай, новобранец.

Осанка Глен стала чуточку напряженнее.

– Проверь рюкзак, – сказала она Джессу. Он присел и открыл рюкзак, заглянув внутрь. Там находился стандартный набор вещей, необходимых на задании, включая полностью укомплектованную медицинскую аптечку. Джесс поднял глаза на центуриона снова.

– Вы врач?

– Обучался на него в том числе, – ответил Бота. – Я занимаюсь военной медициной. Однако я тебе тут не понадобится. Просто поставь ей укол.

– Давай, – сказала Глен Джессу. – Поторапливайся.

Джесс отыскал противоядие и протиснулся мимо Глен, которая продолжала внимательно наблюдать за центурионом. Внутри магазинчика рядом с Хельвой сидел профессор Вульф, проверяя ее пульс. Вульф поднял руку, не отрывая глаз, и Джесс передал ему шприц, а затем ему оставалось лишь наблюдать, как профессор Вульф делает укол. Шприц издал тихое шипение, и прозрачная жидкость хлынула в вену Хельвы. Она сидела молча и неподвижно, и Джесс бы принял ее за мертвую, если бы только у нее не дрожали веки. Цвет ее лица выглядел ужасно – настолько ужасно, подумал Джесс, насколько это возможно без Анубиса⁵, который лично бы пришел утешить ее в подземный мир.

– Уже слишком поздно? – спросил Джесс. Ему хотелось ничего не чувствовать. Он очень старался не испытывать дружеских чувств ни к кому из своих товарищей.

– Не думаю, – ответил профессор Вульф. Он прижал ладонь ко лбу девушки на несколько мгновений. «В этом нет никакой практической пользы, – подумал Джесс. – Жест, предназначенный лишь для того, чтобы успокоить». Жест доброго человека, хотя Вульфу бы не понравилось, если бы он узнал, что кто-то называет его таковым. Он ведь изо всех сил старался казаться жестким, безразличным ублюдком. – Я видел, как подобный препарат оживляет людей в состоянии и похуже.

«Сколько раз?» – хотел было спросить Джесс, но не стал. Ему не хотелось знать ответ на этот вопрос. Поэтому вместо этого он снова повернулся к Глен, которая по-прежнему держала

---

⁵ Анубис – бог погребальных ритуалов в мифологии Древнего Египта.

Бота на прицеле. Бота же глядел на нее с улыбкой, однако его хладнокровный, серьезный взгляд никак не вязался с изогнутыми губами.

– Я проведу остальных, – произнес Джесс и шагнул сквозь разбитую витрину, а под ногами у него захрустело стекло. – Центурион, идите со мной. Вероятно, она не станет стрелять вам в спину.

– Вероятно, – согласилась Глен, не моргнув и глазом. И она не расслабилась, пока Джесс не увел центуриона в сторону Тарика.

Бота перевернул молодого человека и проверил его пульс. Затем он отстранился и покачал головой.

– Он мертв, – сказал Бота. Это ошеломило Джесса, однако он быстро взял себя в руки. «Тарик целился в профессора. Мне пришлось так поступить. Пришлось».

– Нам сказали, что у нас будут патроны, которые бьют вполсилы, – сказал Джесс, а потом поймал на себе взгляд мужчины. Тот смотрел с сожалением.

– Это не твоя вина, новобранец. – Бота перевернул безвольное тело Тарика на бок, и Джесс увидел окровавленную дырку у него под ребрами. – Эта пуля прошла прямо насквозь и вышла с другой стороны – пробила броню. Судя по углу, выстрелили в него сверху, когда он уже упал. Явно это был не ты. – Бота, пока говорил, не отрывал взгляд от местности, исследуя обстановку. Джесс тоже поднял глаза. Теперь не видно было ничего, помимо неба и ослепительного утреннего солнца. – Очень точный выстрел. Твой товарищ, должно быть, умер мгновенно и даже не понял, что в него попали. Пошли. Отыщем остальных заблудших овечек.

Джессу оставалось лишь надеяться, что остальные в отличие от Тарика не стали овечками на убой.

Они отыскивали еще одного солдата внутри другого магазинчика, он отлично спрятался и не пострадал; остальные же сгрудились в оборонительной позиции на улице неподалеку. В отличие от смертельных ран Тарика у солдат здесь в худшем случае были синяки и сломанные пулями, которые бьют вполсилы, ребра. «Тарика убили намеренно, – подумал Джесс, – за то, что он не справился с данным ему заданием и не убил профессора Вульфа».

– Что, во имя Аллаха, произошло? – спросил Зелалем, один из солдат их отряда, который был куда выше Бота, а еще мертвенно худой. – Что это за испытание такое?

– Выполнить или провалить, – сказал Бота. – Постройтесь-ка все. – Трое заворчали, выходя из своего и без того плохого убежища за рухнувшей стеной, а Зелалем покачнулся, словно тростинка на ветру, однако Джесс успел его поймать. – Я сказал построиться, а не падать. Живее. Я хочу видеть всех своих утят в строю.

Овечки, а теперь утята. Должно быть, Бота в прошлой жизни был фермером. Джесс хотел было произнести эту мысль вслух, однако засомневался, что мужчина в настроении для подобных шуток. Когда же отряд двинулся обратно к витрине магазинчика, на другом конце улицы послышался топот ног, и все, держа оружие наготове, снова метнулись в укрытие дверного проема.

Как оказалось, зря, потому что топот шагов принадлежал капитану Никколо Санти, ведущему за собой половину своего собственного отряда по улице, и все они выглядели настороженными и готовыми к бою.

Центурион вышел, чтобы подозвать Санти.

– Все чисто, сэр, – крикнул Бота. – Мы выходим!

Он дал знак рукой, и Джесс влился в строй, когда они направились в сторону прибывшего отряда. Глен вышла из-за разбитой витрины, придерживая Хельву рукой с одной стороны, а профессор Вульф поддерживал ее с другой.

Никколо Санти вскинул сжатую в кулак руку, чтобы его приближающийся отряд остановился, и, когда он посмотрел на Вульфа, взгляд его был пронзительным и непроницаемым.

– Профессор, – произнес Санти, – вы ранены?

– Я нет, – ответил Вульф. – А вот ей нужен врач. Кобра укусила. Мы дали ей противоядие. Санти сделал жест рукой, и двое солдат из его отряда вышли вперед, поспешив на помощь к Хельве. Джессу стало чуточку легче на душе. «С ней все будет в порядке», – понял он.

Джесс ожидал, что Санти начнет задавать кучу вопросов или, по крайней мере, беспокоится о безопасности Вульфа.

Поэтому для Джесса стало шоком, когда Никколо Санти, который был давним коллегой и возлюбленным профессора Кристофера Вульфа, повернулся к Бота и громко произнес:

– Наденьте на профессора Вульфа наручники. Он под арестом.

Однако что казалось еще более странным, так это то, что профессор Вульф не выглядел ни капельки удивленным.

Записки

Из личного журнала профессора Кристофера Вульфа (изъято и передано в Черные архивы)

Бывает, я просыпаюсь и снова оказываюсь в темнице и не вижу ничего, кроме тьмы. И не чувствую ничего, кроме боли. В такие моменты я уверен, что мне так и не удалось сбежать и та жизнь, которая была у меня с тех пор, никогда и не существовала, разве что в фантазиях и снах.

Мне нужно тебя покинуть, Ник. Я знаю, потому что на самом деле я вовсе не здесь. Мне следует исчезнуть и никогда больше не возвращаться, потому что в один прекрасный день я либо разобью тебе сердце, не оправдав твоих ожиданий, либо ты будешь вынужден нарушить свои собственные принципы и клятвы, которые дал Библиотеке, чтобы меня спасти.

Однако я не могу. Если я тебя покину, то все хорошее и искреннее во мне будет убито. Покинуть тебя означает сдаться и отказаться от будущего в лучшем мире.

Прости меня, Ник. Я люблю тебя сильнее, чем ты только можешь представить. Хотелось бы мне быть достаточно сильным, чтобы защитить тебя от моей собственной глупости.

Глава четвертая

Джессу ничего не объяснили, пока отряд возвращался в военную часть, где его оставили в зале ожидания вместе с остальными. Все были уставшими и растерянными, а еще взмокшими от пота, и несмотря на то, что им разрешили снять броню, а также выдали воду и еду, в пустом зале сложно было расположиться комфортно, так как здесь не нашлось ничего, кроме стульев. И за ними наблюдал стражник, который, когда Джесс попытался задать вопрос, сорвался на него.

– Тишина. Не разговаривать. – Стражник прислонился спиной к прохладной стене и закрыл глаза. Что ж, по крайней мере, ему-то уж никто не мешал отдыхать.

В какой-то момент кодекс Джесса странно, тихо завибрировал, будто кто-то его легонько толкнул; это означало, что кто-то написал ему личное сообщение, отчего Джесс тут же проснулся, хотя уже проваливался в сон. Он потянулся в карман и достал книгу в футляре. Каждый раз, когда Джесс открывал кодекс, он вспоминал, как родители подарили ему эту книжку как раз перед тем, как он сел на поезд и отправился в Великую библиотеку. Это был дорогой подарок, в кожаном переплете, с именем Джесса, написанным золотой египетской иероглификой на обложке. Книжка солидно истрепалась от частого использования, с царапинами и потертостями она теперь совсем не выглядела, как тот сияющий, новенький фолиант, который Джесс привез с собой всего год назад в Александрию.

Однако Джесс мог с уверенностью сказать, что этот кодекс поистине принадлежит ему. Буквально стал его частью.

В своем первом разделе кодекс содержал стандартный список книг, доступных для чтения и изучения; список постоянно обновлялся благодаря науке тайных знаний скрывателей, однако обновление не заставило бы кодекс вибрировать. Далее следовал список книг для чтения, который недавно запросил Джесс, где были работы по истории Древнего Рима времен Юлия Цезаря. Цезаря можно обвинить во многом, однако он отказался от всех своих разногласий с Клеопатрой и Марком Антонием, чтобы некогда спасти Великую библиотеку. В каком-то смысле можно сказать, что их современный мир обязан всем своим существованием именно ему.

Следом за списком для чтения, на отдельной странице, появилось сообщение, написанное от руки и адресованное напрямую Джессу. Обычно эти сообщения приходили от родных – разные безобидные вопросы относительно его успехов и здоровья, в которых были хитрым образом закодированы задания от отца по добыче информации о запрещенных книгах. Однако на этот раз никаких сообщений от родных не было. Сегодня на новой, пустой страничке появилось сообщение от безымянного источника, и Джесс тут же узнал аккуратный, точный почерк, который выписывал слова, появляющиеся на бумаге, словно под невидимой ручкой.

«С Вульфом все в порядке?»

Джесс уставился на вопрос на мгновение, глядя, как написанное растворяется. Сообщение пришло от Морган Холт, заключенной в Железной башне скрывателей; девушка не могла покинуть башню, не было у нее и шансов на побег, и тем не менее каждый раз, когда Джесс видел ее почерк, он вспоминал ее шелковистую кожу и тепло ее тела, прижатого к нему. Воспоминание об аромате ее волос нахлынуло на Джесса и сейчас, точно волна. Он снова и снова

убеждал себя забыть о Морган, она ведь оказалась в заточении и, должно быть, винила именно Джесса в этом. Он обманул ее. И он не поборолся за ее свободу.

Морган не спрашивала, все ли хорошо у самого Джесса. Спросила лишь о том, как профессор Вульф. Это о многом говорит. И причиняет немалую боль.

Джесс написал в ответ: «Он в порядке. А у тебя все хорошо?»

Слова исчезли, однако немедленного ответа не последовало. Джесса сводило с ума то, что Морган не рассказывает ему о том, что происходит с ней в Железной башне. И все же она должна была быть в относительной безопасности: дар скрывателей был редким. И ценным. Необходимым для того, чтобы Великая библиотека, вся система кодексов и серапеумы по всему миру продолжали функционировать. Не было причин для того, чтобы причинять Морган вред. И она ведь была еще недостаточно взрослой для того, чтобы ее обязали вынашивать детей для продолжения рода скрывателей. Ее ждет подобное в будущем, но не сейчас. Нет, точно не сейчас.

В конце концов, пока Джесс долго таращился на пустую страницу, ручка снова задвигалась по бумаге где-то далеко-далеко, на другом конце связи, оставляя для Джесса послание: «Какое это имеет значение?»

Каким бы простым ни казался вопрос, он будто бы вырвал кусочек души из самой груди Джесса. Она до сих пор его не простила.

«Большое значение. Так у тебя все хорошо?»

«Разве у кого-то может быть все хорошо? – ответила она. – Пока Великая библиотека нами правит?»

Морган была права, конечно же, однако Джессу хотелось верить – каким бы бесполезным и ни было это желание, – что Великая библиотека может стать именно такой, какую он всегда представлял себе раньше, будучи ребенком: светом знаний, защитником науки, искусства, истории, – силой, которая борется за великое и бессмертное благо.

Однако страшная правда заключалась в том, что Великая библиотека действительно по-прежнему содержала в себе все эти принципы. Библиотека боролась за благо. Библиотека защищала то, что в ином случае было бы утеряно в войнах, хаосе и катастрофах. Библиотека действительно поддерживала ученых и любые знания по всему миру, во всех религиях и у всех народов. Она и правда восхваляла знания, ставя их превыше всего остального.

Проблема заключалась лишь в том, каким именно образом Великая библиотека всего этого добивалась, и при мысли о ее методах все внутри у Джесса переворачивалось, все становилось с ног на голову.

«Библиотека изменится, – написала Морган, и Джесс буквально услышал шепот ее голоса, произносящего эти слова. – Она должна измениться. Мы должны заставить ее. Мы ведь все еще этого хотим, верно?»

Как будто они были в силах воплотить подобную мечту в реальность. Оптимизм Джесса иссяк много месяцев назад, да и оставшийся его пыл угасал все быстрее. Он взял в руку свою ручку, но засомневался. Джесс знал, что ему нужно написать Морган; это была та же самая информация, которой ему нужно было поделиться с Глен, а также с профессором Вульфом. Насчет Томаса. Однако, как и в случае с Глен, Джесс не мог подобрать нужные слова.

Ручка Морган начала двигаться в последний раз, записывая: «Я скоро узнаю больше. Позаботься о Вульфе».

Джесс написал в ответ: «Не рискуй понапрасну».

Морган уже не ответила на его слова, лишь оставила напоследок «X», давая ему понять, что разговор окончен, а затем все слова на странице растворились, и из кодекса исчезли все признаки того, что Морган вообще что-то писала Джессу.

Джесс не понимал, как у Морган получается подобное: как она способна изъять все доказательства переписки так тщательно от других скрывателей, которые наверняка постоянно сле-

дят за ними обоими. Морган была умной и изобретательной, она скрывала свой дар скрыва- тельницы большую часть своей жизни, и никто не мог ее рассекретить. И все же... Джесс знал, что она рискует каждый раз, когда пишет ему сообщение, однако по-прежнему жаждал пооб- щаться с ней, точно она являлась каким-то наркотиком. В один прекрасный день она случайно да выдаст Джессу свои истинные чувства, и он увидит какой-нибудь признак того, что она больше не злится и не обижается.

В один прекрасный день, в далеком будущем, может быть, она простит Джесса.

Джесс засунул кодекс обратно в чехол, висящий у него на поясе, и в этот момент уви- дел Глен, глядящую на него с другого конца зала. Вероятно, она подозревала, что Морган по- прежнему переписывается с Джессом, однако нельзя сказать, что Джесс хоть раз говорил ей об этом напрямую или хотя бы намекал. Глен в принципе знала немало тайн и секретов.

Джесс только хотел было снова закрыть глаза, но в зал вошел капитан Санти, окинул всех беглым взглядом и указал на Глен, а затем и на Джесса.

– Вы двое, – произнес он, – за мной.

Развернувшись, как настоящий солдат, Санти снова вышел, не дожидаясь, пока изнемо- женные после произошедшего Джесс и Глен поднимутся на ноги и поспешат за ним следом, оставив остальных членов их отряда обиженно буравить их спины взглядами. Капитан Санти не остановился даже, когда за ними захлопнулась дверь. Он продолжил шагать отточенной походкой вдоль длинного, лишенного убранств коридора, затем поднялся вверх по лестнице, украшенной статуями Анубиса, стоящими между пролетами, а потом подошел к двери каби- нета, охраняемого вооруженным стражником. Стражник приветствовал капитана, отдав честь, и Санти ответил тем же.

– Свободен, – сказал солдату Санти и молча дождался, пока тот уйдет. Затем Санти рас- пахнул дверь и завел всех вовнутрь.

За огромным, тяжелым столом в кабинете сидел Кристофер Вульф. На нем по-прежнему были наручники.

– Садитесь, – произнес Санти, обращаясь к Глен и Джессу, закрыв за собой дверь и ука- зав на деревянную скамейку на другом конце кабинета. На лице Санти по-прежнему было бес- пристрастное выражение военного, отчего Джессу становилось не по себе. Профессор Вульф под стражей, капитан Санти ведет себя неестественно... И все они вчетвером заперты в одном помещении.

Глен медленно опустилась на скамейку и сурово покосилась на Джесса, не сводя взгляда, пока тот не последовал ее примеру и не сел рядом с ней. Санти подтащил деревянный стул, ножки которого издавали неприятный звук, когда их волокли по каменному полу, и поставил его на противоположной от Вульфа стороне стола.

Вульф наконец-таки поднял глаза. Он выглядел очень уставшим и лишенным сил, а еще – что казалось Джессу жутко неправильным – беззащитным. Он молча поднял свои закованные в кандалы руки и, когда Санти покачал головой, снова тяжело уронил руки на стол, отчего по кабинету разнесся звон металла.

Несмотря на то что Санти поставил стул, садиться он не спешил.

– Вы все еще находитесь под арестом, профессор Вульф, – произнес капитан Санти тихим, спокойным голосом, от которого у Джесса по спине побежали холодные мурашки. – И останетесь под арестом. Вы прекрасно знаете почему.

– Ник...

– Нет, – резко оборвал его Санти. – Я не хочу ничего слушать. Неужели ты не понимаешь, какие последствия все это за собой влечет? Один из новобранцев погиб. Другой, быть может, останется навсегда калекой без руки. И все это из-за *тебя*. Из-за *твоего* решения рискнуть собственной жизнью, хотя ты прекрасно знал, к чему это может привести, и хотя я просил тебя держаться от всего этого подальше! – Под конец своей речи Санти наконец-то не сдержал эмо-

ций и сделал паузу, словно и сам не ожидал от себя подобного. Когда он снова заговорил, его тон опять звучал спокойно и безэмоционально. – Скажи, с чего это мне вдруг снова отпускать тебя разгуливать без присмотра?

Вульф не сводил взгляда с Санти, пока тот говорил. Даже, кажется, не моргал. Никак не выдал своих эмоций, будь то чувство вины или злость. Однако в глазах профессора мелькала странная искра, которую Джесс не мог до конца интерпретировать.

– Потому что твой план, заключающийся в том, чтобы прятать меня ото всех, не работает.

– Мой план заключается в том, чтобы сохранить твою жизнь, и это работает. Только она меня и волнует.

– Значит, ты слишком сильно волнуешься, – ответил Вульф. Теперь его голос прозвучал как-то неуверенно, а руки едва заметно дрогнули. Будто что-то в самой душе у него оборвалось. – Ты меня арестовал. Меня такой расклад событий не особо устраивает. И ты отлично это знаешь.

Санти наконец-таки сел, но медленно, словно только что осознал, что до сих пор стоял.

– Это была необходимая мера, – произнес он. – Ты сам не свой.

– Вы пытались передать мне сообщение, – сказал вдруг профессор Вульф, переведя взгляд на Глен с Джессом. – Что хотели мне сообщить?

Капитан Санти резко подался вперед, схватил цепь, соединяющую кандалы Вульфа, и дернул его к себе.

– Нет, – произнес Санти сердито. – Прекрати. Ради всех богов, неужели ты не понимаешь, что кто-то сегодня пытался тебя убить? Архивариус жаждет видеть тебя в могиле. И я полагаю, на этот раз ты должен был вбить эту мысль себе в голову, учитывая, что сегодня другие пролили свою кровь вместо тебя!

– Капитан, – подал голос Джесс, и Санти в буквальном смысле вздрогнул, как будто увлекся разговором и забыл об их присутствии. – Почему вы привели нас сюда, если не даете даже ответить?

– Потому что я хочу, чтобы вы тоже уяснили, – ответил Санти и обернулся, уставившись на них. – Оставьте Вульфа в покое. Не пытайтесь с ним связаться. Даже не думайте об этом. Вы видели, что происходит: это же из-за вас он вышел в свет, чтобы поговорить с *вами*. Его могли убить. Архивариус ждет не дождется, когда сможет найти оправдание тому, чтобы прикончить его.

Улыбка профессора Вульфа на этот раз выглядела на удивление добродушной. Почти что естественной.

– Архивариусу не нужны оправдания для этого. Нет, Ник, говори честно: ты привел их сюда, потому что думал, что, лишь увидев меня, они оставят меня в покое просто из чувства жалости.

– Крис...

Вульф, кажется, теперь не обращал на своего возлюбленного никакого внимания. Он продолжил смотреть на Джесса и Глен.

– Я не сошел с ума, – произнес он. – И вовсе не близок к безумию. Быть может, я перегибаю палку и действую на пределе своих возможностей – а возможностей у меня осталось не так уж много, – однако вы хотели мне что-то сообщить. И эта информация достаточно важна, так что вопреки всем попыткам Ника обезопасить и ограничить меня я продолжу рисковать своей жизнью, пока вы мне все не расскажете. Ник не может меня остановить, и он это прекрасно знает.

Капитан Санти безмолвно выкрикнул от гнева и растерянности, отбросил стул и начал расхаживать по кабинету. Выражение его лица стало напряженным и бледным, и что-то еще промелькнуло в его глазах. «Страх», – понял Джесс.

– Что ж, – произнес профессор Вульф, – спрашивайте.

– У меня не вопрос, я хочу вам кое-что рассказать. Рассказать вам всем, хотя я и не предполагал, что все будет происходить в такой вот обстановке. – Джесс сглотнул, потому что теперь он привлек внимание и капитана Санти. Тяжесть взглядов каждого из них Джесс мог сравнить разве что со слоном, опустившимся внезапно на его грудь. Кстати говоря о груди Джесса, ремни с контрабандными книгами под его рубашкой, кажется, стягивали его легкие еще сильнее, давя на свежие синяки.

Джесс молча расстегнул плащ своей униформы, а затем и рубашку. Вся его одежда промокла от пота, и, когда прохладный воздух коснулся кожи, Джесс невольно задрожал. Никто ничего не сказал, когда Джесс отложил одежду, показав ремни, и отстегнул от них сумку, вытащив одну из двух книг, которые были в ней.

– Твоя жизнь сейчас висит на волоске, – мягко сказал Джессу Санти. – Я по-прежнему являюсь солдатом элитного библиотечного войска, который давал клятву верности. Надеюсь, эта контрабанда стоит того риска, Брайтвелл.

Собственная рука показалась Джессу холодной и тяжелой, когда он взялся за потрепанную кожаную обложку, а затем молча замер на долгую секунду. Просто не знал, как начать рассказывать о том, о чем хотел рассказать. Затем Джесс все же произнес:

– Это последнее признание одного из личных страдников архивариуса. Мужчина покончил с собой несколько месяцев назад. В этом признании он детально описывает, кого он арестовывал, как пытал, а также кого отпустил. Описывает, кого приговорили к смертной казни и каким образом. – Джесс снова нервно сглотнул. – Ваше имя тоже есть в этом списке, профессор Вульф.

Никто не сдвинулся с места. Тогда Джесс оторвал глаза от книги и посмотрел на каждого по очереди.

– Но там есть еще одно имя. Томас Шрайбер.

Глен сделала резкий вдох, затем медленно выдохнула и опустила голову.

– Там написано, как он умер? – спросила она. – Что с ним сделали?

– Там есть запись, в которой говорится об аресте Томаса, – сказал Джесс. – И его... его и правда пытали. – Ему не хотелось думать обо всем этом. Джесс прочел записи, заставил себя их прочитать и не мог успокоиться на протяжении нескольких дней после этого, чувствуя себя так, словно его душу и тело разорвали на клочки, а потом собрали обратно. – Однако Томаса не казнили.

В первую секунду, кажется, никто не понял смысла слов Джесса. Даже профессор Вульф, который обычно схватывал на лету, несмотря на свою напускную беспристрастность. Повисла тишина, а затем наконец-то заговорила Глен, спросив тихим, сдавленным голосом:

– Тогда как Томас умер?

– Он вовсе не умер, – ответил Джесс. – Он до сих пор жив. Наш друг по-прежнему жив. А это значит... Значит, у нас по-прежнему есть шанс его спасти.

Джесс должен был предугадать, что Глен разозлится, однако по какой-то причине он не подумал, что она отреагирует настолько быстро, и, когда ее кулак ударил его прямо по челюсти, он не успел увернуться. Удар оказался что надо, в него вложили немало силы, и, когда красные пятна перед глазами Джесса исчезли, он осознал, что лежит на спине, на полу, а Санти держит Глен сзади за локти. Учитывая разгневанное выражение лица Глен, Джесс понял, что она с радостью подхватит его с пола и снова ударит, если ей это удастся.

– Томас умер! – кричала Глен, а ее слова были полны ненависти и боли. Слезы блестели у нее на глазах. – Его забрали прямо из дома, его пытали, а потом убили! Тебе сказали об этом

прямо в лицо! – Дальше она начала проклинать его на уэльском языке, и Джесс был уверен, она оскорбила все, начиная с его мужского достоинства и заканчивая родителями, и не умолкала, пока капитан Санти не развернул ее и не встряхнул.

– Успокойтесь, командир отряда! Это приказ! – Может, дело заключалось в суровой внешности Санти, а может, в том, что Глен осознала, что нельзя драться со старшим по званию, однако она прекратила ругаться и замерла. Затем сделала несколько тяжелых, частых вдохов, но после нескольких секунд тишины сдержанно кивнула. Санти ее отпустил. Глен опустилась обратно на скамейку и сжала руки в кулаки с такой силой, что Джесс снова с опаской на нее покосился, когда поднимался обратно на ноги.

Капитан Санти повернулся к Джессу, и во взгляде его тоже проскальзывал теперь некий гнев. Отличие заключалось лишь в том, что гнев этот оставался под контролем.

– Джесс, почему ты уверен, что эта книга настоящая? – спросил Санти.

– Потому что все изо всех сил старались от меня ее утаить, – ответил Джесс. – Я узнал о ее существовании случайно, лишь потому, что работал над... – Он вовремя осекся: несмотря на то что Джесс доверял этим троим, собравшимся сейчас здесь, тайными делами своей семьи он делиться не мог. – Над поручением отца. Я случайно услышал упоминание об этой книге, а когда попытался ее разыскать, мне отказали. Мне понадобилось несколько месяцев лишь для того, чтобы убедиться в достоверности информации о том, что стражник покончил с собой, и еще несколько месяцев, чтобы наконец-таки отыскать его родных и заплатить за эту книгу. Они не питают никаких теплых чувств к архивариусу, поверьте мне.

– Или же все это было признаками отлично организованной ловушки, – сказал капитан Санти. Он скрестил руки на груди и уперся теперь о стену. На его помощь можно и не рассчитывать, Джесс это прекрасно видел. Поэтому перевел свое внимание на профессора Вульфа.

– Сэр, книга подлинная. Я провел расследование. – Он сглотнул, но каким-то чудом выдержал взгляд Вульфа. – У меня есть источники, которые вы можете сами перепроверить.

– И я обязательно проверю, – голос Вульфа прозвучал тихо и сухо, как песок в пустыне. – Я рассчитываю увидеть все твои доказательства, и только потом я поверю. – Однако затем он покосился на Санти, и было нечто в его глазах, что заставило Джесса засомневаться.

– Вы уже об этом знали, не так ли? – спросил он. Этот вопрос привлек внимание как Вульфа, так и Санти, и несмотря на то, что выражение лица Вульфа было сложно прочесть, в этот момент все же несложно было догадаться о том, что на уме у Санти. – Боже. Вы и правда знали, что Томас жив.

– Нет, – отозвался капитан Санти. – Мы не знали. Не знали наверняка.

Вульф избавил Джесса от последних сомнений, когда произнес:

– Я верил, что Томас жив. И нет, прежде чем ты начнешь кричать на меня, я скажу тебе, что у меня не было ни единого настоящего доказательства тому, никаких книг, как у тебя. Однако действия повторяются, все происходит так же, как было со мной: арест, пытки, тюрьма, уничтожение всех упоминаний о том, что я когда-либо существовал. И тем не менее архивариус не любит растрчивать таланты. Томас Шрайбер талантлив, и он это прекрасно знает. Он захочет... использовать Томаса, если найдет как. Ради высшего блага Библиотеки и все такое.

Слова профессора прозвучали подавленно, и у Джесса по спине пробежал холодок, когда он вспомнил один из разделов журнала, вспомнил свое потрясение при виде имени «профессор Кристофер Вульф», написанного там, выше имени Томаса. Стражник видел, как Вульфа арестовали и увели на допрос, однако не видел, чтобы профессора казнили.

Вульф после этого просто исчез из всех баз данных.

Точно как исчез и сам Томас, когда его увели из безопасного студенческого общежития. Исчез в мгновение ока.

Умер, как сообщили всем им.

– Томаса держат под стражей здесь, в Александрии? – Голос Глен на этот раз прозвучал отстраненно и холодно. Она наклонилась вперед, опершись локтями о колени. – Где они вас держали, профессор? Что с вами произошло, когда вас...

– Прекрати, – оборвал ее капитан Санти. Он произнес всего одно слово, прозвучавшее негромко, однако с нескрываемой угрозой, что заставило Глен уставиться на него от удивления. – Ему незачем вспоминать те дни.

– Есть зачем, если это то же самое место, где могут держать Томаса. – Джесс поднялся на ноги, и Вульф проследил за ним взглядом. Глаза профессора казались потемневшими и отстраненными, однако было в них что-то еще, чего Джесс не мог до конца понять. – Где его держат? Здесь?

– Нет. Его бы не оставили в Александрии, зная, что у него здесь есть друзья вроде нас. – Вульф подался вперед, и его наручники звякнули, царапая деревянную столешницу. – Дай-ка взглянуть.

– Нет, – отрезал Санти.

Голос Вульфа звучал так же тепло, почти что по-доброму, когда он ответил:

– Я понимаю, что ты пытаешься меня защитить, однако, Ник, я вижу все это каждую ночь в своих снах. Ты не можешь защитить меня от моих же воспоминаний.

Санти наконец-таки сдался. Злость и растерянность исходили от него, как волны тепла. Ему хотелось что-то делать – *действовать*, – и Джесс прекрасно понимал этот порыв; он чувствовал себя точно так же на протяжении последних нескольких месяцев, с тех пор как узнал об этом журнале, который словно насмеялся над ним, и с тех пор как узнал о списке заключенных и приговоренных к смерти. Он хотел наказать себя, выяснив, каким именно образом умер его друг Томас, однако вместо этого... Вместо этого у него появилась надежда. И от этой надежды становилось лишь больнее.

Джесс протянул книгу Вульфу, и тот ее принял. Все хранили молчание, пока Вульф перелистывал страницы. Джесс осознал, что наблюдает за выражением лица профессора, желая увидеть, как тот отреагирует, однако Вульф выглядел так, словно просматривал некую старую научную литературу, а вовсе не заметки о том, как прошли самые жуткие дни его жизни. Когда он закончил читать, то закрыл книгу и со вздохом откинулся на спинку стула.

– Полагаю, мне стоит начать с того, о чем не знает Глен, – сказал Вульф. – Три года назад я изобрел и сконструировал устройство – кое-что, что ставило под угрозу основы Великой библиотеки, хотя в тот момент мне так не казалось. Устройство уничтожили, а меня обвинили в ереси. Все мои труды тоже были уничтожены. А также меня заставили исчезнуть. – Он взглянул на Санти, который по-прежнему сердито смотрел на пол под ногами. – Ник поступил, как глупец, и рискнул собственной жизнью, чтобы меня отыскать. Он сам чуть не умер. В любом случае меня в конце концов отпустили, вынудив поклясться в том, что я никогда больше не стану публиковать работы или изучать темы, которые Библиотека считает опасными. Я до сих пор жив только лишь по милости кое-кого.

Джесс все это уже знал; ему рассказали Санти с Вульфом, когда Томас только исчез. Он никогда никому и словом не обмолвился об этом, и ему стало не по себе, когда Вульф снова об этом заговорил.

– Но вас ведь выпустили! – сказала Глен. – Значит, у Томаса тоже есть надежда.

Вульф тут же покачал головой.

– Я сын верховной скрывательницы, власть и влияние, которыми она обладает, не позволяют архивариусу казнить меня просто по своей прихоти, как бы сильно он ни желал моей смерти. Даже учитывая все это, меня не выпустили вот так просто, хотя я занимал высокую должность, а также имел немало достижений, наград и друзей. Томас же просто студент. Кандидат на работу в Библиотеке. – Вульф сделал паузу, и Джесс решил, тот раздумывает над тем, что им сказать теперь. – Если Томас и правда до сих пор жив, значит, архивариус считает его

ценным для Библиотеки кадром. Значит, Томас будет под стражей до тех пор, пока его воля и дух не будут сломлены, а затем они заставят его работать в каком-нибудь тайном закутке. В конце концов такое существование нельзя будет назвать жизнью, но, по крайней мере, он по-прежнему будет дышать.

Подобная мысль сама по себе являлась чудовищной, однако, сказать по правде, Джесс и сам думал об этом. Томаса не просто посадят в тюрьму. Его ждет что-то похуже. Джессу не хотелось даже думать о том, насколько хуже, однако по взгляду Вульфа он видел, что профессор отлично помнит. В глазах Вульфа мелькало какое-то странное чувство, и у Джесса при виде этого по телу побежали мурашки. Возможно, капитан Санти был прав: вовлекать Вульфа в это дело не стоило.

«Но он нам нужен», – подумал Джесс. С того самого момента, как он заполучил этот журнал и прочел раздел об аресте и допросе Томаса, Джесс стал чувствовать себя менее одиноким. Менее беспомощным. Он знал, что Глен просто так не оставит все как есть; и, несмотря на нежелание капитана Санти ввязываться в проблемы, он тоже не останется в стороне.

А если Вульф окажет им помощь, то у них куда больше шансом изменить судьбу Томаса. Вместе. С тех пор как Джесс выяснил, что Томас жив, он ни разу даже не допускал мысли о том, чтобы оставить товарища в беде и предоставить на милость Библиотеке, если такая милость вообще существует.

Томас был Джессу другом. И он отыщет его. Тут нет ничего сложного, хотя и много опасностей.

В воцарившейся тишине Глен повернулась к Санти.

– Капитан, – обратилась она, – вы и правда верите в то, что Томас мертв? Или же вы боитесь, что Джесс может быть прав и тогда все мы окажемся в опасной ситуации?

Это был четкий и правильный вопрос, и Джесс не мог не отдать Глен должное: она рассуждала куда более здраво, чем мог бы в этот момент он сам. Для Джесса это была свежая, личная рана; он любил Томаса как родного брата, и ему до сих пор казалось, что пусть и отчасти, но он несет ответственность за все произошедшее.

Санти тщательно обдумывал каждое свое слово, может быть, даже слишком тщательно, когда заговорил:

– Я не хочу, чтобы Кристофер опять оказался втянут в эту молотилку. Журнал может оказаться подделкой. Возможно, они только и ждут, когда мы на это клюнем. Есть множество причин верить в то, что Томас мертв, и мало причин верить в то, что он жив.

– Мало причин, – повторила Глен все тем же спокойным, тихим голосом. – То есть причины на самом деле есть. Неужели вы думаете, что мы не захотим все выяснить? Что не захотим знать правду?

– Мы все можем погибнуть, выясняя правду, – сказал Санти. – Подумайте, во что ввязываетесь.

Джесс обменялся с Глен взглядом. Долгим взглядом. И понял, что в этом вопросе они абсолютно солидарны.

– Мы уже думали об этом. Мы должны спасти Томаса, – ответил он.

– Чего бы нам это ни стоило, – согласилась Глен. – Мы не бросаем своих друзей в беде.

Теперь Санти с Вульфом обменялись взглядом. Профессор Вульф едва заметно наклонил голову набок, а на губах у него появилась странная, кривая улыбка.

– Вот видишь? – сказал он. – Они такие же плохие, как и мы.

– Хуже, – вздохнул Санти. Он подошел и наконец снял с Вульфа наручники, а затем повесил их себе на пояс. – Они еще даже не испробовали истинный страх на вкус, однако все впереди.

Не испробовали истинный страх? Они выжили в кровавой бойне за место на службе в Великой библиотеке, когда были еще только студентами Вульфа; они выжили в Оксфорде. И

только лишь этим утром они выжили при нападении и обстреле, а также видели, как умирает их товарищ, пусть этот товарищ и оказался предателем. Страх они уж точно испробовали. Однако Джесс не собирался позволить своим страхам его остановить.

– Итак, где вас содержали, когда увели для допроса? – спросил он у Вульфа.

Вульф вздохнул.

– Видишь ли, – сказал он, – в этом-то и проблема. Я не помню. Не могу вспомнить. Поверь, я пытался. Какие-то отрывки воспоминаний, но ничего... ничего стоящего. И должен признаться, это не те воспоминания, которые мне хочется восстановить в мельчайших подробностях.

– Даже ради Томаса?

Вульф отвернулся.

– Я сделаю все, что в моих силах, – ответил он. – Однако вам лучше попытаться разузнать все, что вам нужно, каким-то иным способом.

– Будьте осторожны, – добавил капитан Санти. – Если, конечно, не хотите, чтобы информацию, которую вы узнаете, не похоронили вместе с вами.

Джесс провел остаток дня, заперев дверь в своей комнате, в компании маленькой записной книжки, которую заполучил от Аниты, изучая зашифрованную информацию об автоматизированных механических стражах Великой библиотеки. Информации, как осознал Джесс, было не так уж много: в основном наспех сделанные пометки, которые являлись, очевидно, вспомогательными записями какого-то сотрудника библиотечного отдела Артифекс, работавшего над починкой механизмов. А некоторые записи показались Джессу совершенно непонятными, даже когда он перевел их с помощью шифра. Многие мог понять разве что инженером с образованием вроде Томаса.

Также была запись о каком-то сценарии, который необходимо изменить, чтобы перепрограммировать поведение стражей, однако указывалось, что изменения эти можно внести только с помощью скрыватьеля. Интересная информация. Однако совершенно бесполезная.

Единственный важный факт, который Джесс выяснил, заключался в том, что механизмы можно *выключить*. В ретроспективе это казалось очевидным; любому, кто занимается починкой механизмов, необходимо их отключить ради собственной же безопасности. Тем не менее Джессу всегда чудилось, что все механизированные стражи ведут некую жуткую, независимую и бессмертную жизнь. В конце концов, они ведь являлись настоящим чудом... но все равно оставались техникой.

Что действительно сводило с ума, так это то, что в записной книжке не было ничего конкретного; это было не руководство по использованию, а скорее чья-то личная *aide-mémoire*⁶, которая предполагала, что читатель уже разбирается во всех механизмах и технологиях. Упоминалось лишь, что планируется какое-то обновление системы обеспечения механизмов, которое произойдет извне. Эта информация не особо помогает. Джесс внезапно понял, почему братья Аниты могли погибнуть страшной смертью, если решили поэкспериментировать с одной-единственной соблазнительной подсказкой, которую давала книжка: библиотечные сфинксы не станут просто неподвижно стоять, пока ты ошупываешь их руками в поисках тайного выключателя. Они разорвут тебя на части за такую наглость.

---

⁶ Памятная записка, шпаргалка (*фр.*).

Не говоря уже и о том факте, что существует много видов механических стражей: сфинксы, львы, спартанцы, которые зловеще следили за Джессом во дворе военной части. Очевидно, что у разных моделей кнопки выключения будут расположены в разных местах. «Морган могла бы помочь в этом деле», – подумал Джесс, однако ему придется ждать, когда она сама в следующий раз напишет ему. У него не было возможности самому связаться с ней напрямую. Жаль.

«Как бы поступил Томас? – Джесс зажмурил глаза и представил механического стража, который являлся самым распространенным видом в Александрии: сфинкса. Представил каждую деталь от головы фараона до кончика львиного хвоста, это были внушающие сильный страх существа размером с настоящего льва, вооруженные когтями, а также с огромной силой. Джесс ни разу не видел сфинкса с раскрытым ртом; а клыки у них имелись? Или же у них человеческие зубы? Представлять их с раскрытыми ртами и человеческими зубами, кусающими кого-либо, было еще более жутко. – Куда бы разместил рычаг выключения Томас?»

Томас никогда не строил механических стражей по чертежам Библиотеки, он конструировал только игрушки, кукол да шахматные доски, однако кое-что, что он однажды произнес, показалось теперь Джессу важным. «Нельзя размещать кнопку включения наверху, – сказал он, когда мастерил миниатюрную лошадку. – Плохим решением будет располагать кнопку где-либо, где ее можно нажать случайно. Кнопка должна быть внизу».

Внизу. Однако какой инженер, будучи в здравом уме, захочет засовывать руки под сфинкса, чтобы его отключить? «Кнопка должна быть в таком месте, до которой среднего размера человек может дотянуться», – пришел к выводу Джесс. В этот момент он представил сфинкса так живо, что практически видел его пустые глазницы, таращащиеся на него. Видел неподвижную голову фараона. Видел человеческое лицо с носом и ртом. Видел подбородок. Видел шею, переходящую в широкое, мускулистое львиное тело.

«Открывается ли у него рот? Стал бы Томас прятать выключатель во рту? Не стал бы, если бы существовал риск того, что челюсти могут захлопнуться», – решил Джесс. Тут дело в эффективности и безопасности.

Джесс не знал наверняка, но от мысли о том, что братья Аниты, должно быть, проделали такое же мысленное упражнение и ошиблись, у него побежали по телу мурашки. И когда настал момент последнего решающего испытания, они лишились жизни. Тогда неудивительно, что Красный Ибрагим не воспользовался информацией, указанной в книжке. Он уже и без того многим пожертвовал. «А Анита решила отдать мне книгу, чтобы я тоже попробовал, получив взамен неплохое вознаграждение». Какая хитрая. Ее родные в этом случае ничем не рискуют, а если Джессу удастся то, что не удалось ее братьям, она, вероятно, выкупит информацию у Джесса обратно.

Джесс снова сложил записную книжку и все свои бумаги с переводами в контрабандистскую сумку, спрятал и лег спать. Ночь, к счастью, оказалась щедра на покой и тишину, однако сны Джесса не были такими уж спокойными, ему чудились кровь, пламя и смерти, а еще крики Томаса, когда Джесс во сне бежал по бесконечному коридору к другу на помощь, но никак не мог добраться.

Он проснулся с горьким привкусом пепла во рту и осознал, что до рассвета еще далеко. «Ну и хорошо», – подумал Джесс. Он рассказал Глен, Вульффу и Санти обо всем, что знал о Томасе. Однако были и другие люди, которые должны узнать правду.

И Джессу необходимо было ощущать, что он что-то делает, а не сидит сложа руки, даже если его действия лишь создают иллюзию прогресса.

На завтрак у Джесса было миндальное пирожное, которое он купил у уличного торговца на пустынной утренней улочке и которое он съел по пути к гавани. Александрия являлась городом столь прекрасным, что дух захватывало, и, сколько бы времени Джесс тут ни проводил, он не переставал дивиться этой красоте. Нынешним утром корабли покачивались на воде в тени, а вот высокая верхушка пирамиды серапеума буквально пылала в свете восходящего солнца. День обещал быть ясным, и море выглядело спокойным, как молоко.

Длинная, прямая дорога вела на другую сторону бухты, в сторону острова Фарос, а там, занимая огромную часть острова, располагался громадный Александрийский маяк. Он был выстроен в форме пирамиды из трех квадратных зданий, расположенных одно на другом и образующих изящную башню в верхней трети своей высоты. Верхушка маяка сияла золотом, там стояла статуя Хатхор⁷ с поднятой к солнцу рукой, и рассвет отбрасывал на маяк тень, нежно-оранжевую на вершине и сумрачно-синюю у подножия. Даже в столь ранний час во дворе маяка виднелись прохаживающиеся по своим делам фигуры в мантиях: без сомнений, ученые и работники Библиотеки, направляющиеся на работу. Всего было четыре главных входа, по одному с каждой стороны квадрата, все были открыты, однако их сторожили механические сфинксы.

У Джесса не было никаких причин полагать, что сфинксы на него нападут. В конце концов, никто не сомневался в том, что он являлся солдатом библиотечной армии; на руке у него был браслет служащего, который видно издали, да еще и свежая официальная униформа. Однако Джесс не хотел, чтобы кто-то мог узнать, что он сюда приходил, на случай, если за его перемещениями следят. Джесс не стал пробираться по территории тайком и не избегал стражу. Он просто-напросто... слился с толпой.

Понадобилось всего пять коробок с пирожными, стопка из которых скрывала лицо, а затем нужно было дождаться, пока группа библиотечных солдат прибудет к маяку на службу. Джесс пошел следом за ними и постарался шагать как можно более уверенно.

Сфинксы повернули свои головы, наблюдая за ним, однако, учитывая, что лицо Джесса загоразивали коробки, они тут же потеряли к нему интерес и начали сканировать остальных проходящих мимо профессоров, стражников и помощников. Механизированные стражи были настроены вычислять греческий огонь и запах подлинных книг, однако аромат выпечки отлично скрывал любой намек на контрабандистскую сумку с ремнями у Джесса под формой.

Выпечка пахла настолько вкусно, что у Джесса снова заурчало в желудке.

Джесс остановился во дворе, чтобы перевести дыхание. В тридцатифутовых стенах, которые одновременно служили защитой от моря и от любых неприятелей, все по-прежнему скрывали ночные сумерки, хотя кое-где в нишах и горели светильники. По краям стояли длинные мраморные скамейки, у каждой из которых располагался маленький, ухоженный садик со статуей какого-нибудь бога, каким-либо образом связанного с учебой и знаниями. Вон там, в дальнем углу, Афина⁸ скидывает копье, а на плече у нее сидит сова. У Сарасвати⁹ свой мирный садик, где ее статуя сидит с лютней в руке у маленького фонтанчика. Вавилонский Набу¹⁰ и египетский Тот¹¹ расположились в своих рошицах, оба являются покровителями писцового искусства. Во внутреннем дворе маяка создавалось ощущение, что находишься в каком-то древнем мире, однако в то же время в мире очень живом и активном, по которому ходят тысячи человек каждый день и наслаждаются каждым шагом. Античный и современной одновременно.

---

⁷ Хатхор – богиня неба в мифологии Древнего Египта.

⁸ Афина – богиня мудрости и военной стратегии в древнегреческой мифологии.

⁹ Сарасвати – богиня мудрости, знаний и искусства в буддизме и индуизме.

¹⁰ Набу – бог мудрости в аккадской мифологии.

¹¹ Тот – древнеегипетский бог мудрости.

Маяк устремлялся своим шпилем к небесам. Издалека он казался большим, а вблизи оказался огромным – и древним, древнее даже, чем большинство зданий в Александрии. К его стенам прикасалось такое количество рук и плеч, что пространство на уровне головы Джесса выглядело буквально стертым. А каменные ступеньки, ведущие внутрь, стерлись по центру, намекая на сотни тысяч – если не миллионы – ступавших здесь ног.

Джесс начал подниматься по извилистой лестнице, которая казалась бесконечной. В середине стоял работающий на паровом двигателе подъемник, однако выглядел он медленным и переполненным людьми, да и Джесс не особо доверял механизмам нынче. Когда он добрался до двадцать второго этажа, у него лишь слегка сбилось дыхание. Пусть тренировки в военной части и были чертовски изнурительными, но они явно приносили результат.

Джесс постучал в закрытую дверь, стараясь удержать и не уронить коробки, которые держал в одной руке. А затем услышал приглушенный голос, приглашающий его войти. Он шагнул внутрь, закрыл за собой дверь и поставил стопку коробок на стол, осторожно избегая документов, разбросанных по столешнице.

Затем Джесс поднял взгляд и встретился с изумленным взглядом профессора Халилы Сеиф.

Она выглядела точно так же, какой помнил ее Джесс, словно нескольких месяцев со дня их последней встречи и не проходило: симпатичная, сдержанная, скромно одетая в свободное платье с цветочным орнаментом под разлетающейся профессорской мантией. Ее бледно-розовый хиджаб аккуратно обрамлял лицо, подчеркивая большие карие глаза.

На мгновение Халила замерла от удивления, а затем по-девчачьи радостно взвизгнула, подбежав к столу, бросилась к Джессу и обняла его так крепко, что он поразился силе, заключенной в ее столь хрупком на вид теле.

– Джесс! Я так рада тебя видеть! – воскликнула она. – Что ты здесь делаешь?

– Завтрак принес, – сказал он и указал на гору коробок с пирожными. – Подумал, ты проголодаешься.

– Ты думаешь, меня здесь голодом морят? Или нас ждет великий голод? – Она похлопала его по плечу своей элегантной, маленькой ручкой, а затем подтолкнула к двум креслам, стоящим у окна. Вид отсюда на Александрию открывался шикарный. Морские птицы летали на уровне глаз, а улочки, уставленные зданиями, внизу вились по холмам вокруг гавани. Огромный александрийский серапеум возвышался в небе, стоя рядом с мрачной, черной Железной башней. Халила не обратила никакого внимания на вид из окна. С радостной улыбкой она наклонилась вперед, сложив руки на коленях, и спросила:

– Так что ты здесь делаешь? На самом деле?

– Я хотел тебя увидеть, – ответил Джесс. Это была правда и неправда одновременно. Халилу он считал своим другом. И гениальным человеком. И восходящей звездой Великой библиотеки. Когда они проходили вместе обучение у профессора Вульфа, она была членом их команды, как и все остальные, быть может, даже одним из главных членов команды, но вот теперь... теперь она быстро продвигалась по службе в профессуре. В один прекрасный день она станет великим человеком. Будет обладать властью. Может быть, даже займет место архивариуса.

Если не погибнет из-за Джесса. «Мне не следует ей ничего рассказывать, – подумал он. – Я испорчу ей жизнь. Все испорчу».

Однако Джесс знал Халилу достаточно хорошо, чтобы понимать, что она и сама выяснит правду и тогда не станет благодарить его за желание ее защитить.

Джесс медленно взял одну ее руку в свои и тихим голосом произнес:

– Здесь безопасно разговаривать?

– Да, – ответила она таким же тихим голосом. – Мои беседы никто не отслеживает. Однако нам все же лучше вести себя осторожно. И как бы я ни была рада тебя видеть, не следует тебе задерживаться здесь надолго.

– Знаю, знаю, – сказал Джесс. – Я расскажу все коротко. – Однако он вдруг понял, что ему не удастся смягчить правду и Халила не обрадуется услышанному. Поэтому лучше уж расправиться со всем поскорее. – У меня есть доказательства того, что Томаса не казнили, как сказал нам архивариус. Есть все основания полагать, что Томас до сих пор жив и находится в тюрьме.

Улыбка Халилы дрогнула, а затем исчезла. Ее карие глаза застыли на лице Джесса на несколько долгих, молчаливых мгновений, и он засомневался, что она слышала его слова. Затем Халила поднялась на ноги, резко и уверенно подошла к двери и заперла ее на замок.

– За дверью появится знак «Не беспокоить», – сказала она. – Моя помощница может прийти в любую минуту. Я не хочу, чтобы она все это слышала. – Голос Халилы звучал совершенно непринужденно, как будто Джесс сообщил ей о том, что после обеда будет дождь или что шафран на рынке подорожал. – Я бы спросила, в порядке ли ты сам после подобной новости, но полагаю, могу догадаться.

– Ты выглядишь вполне спокойной, – заметил Джесс.

Халила развернулась к нему лицом. В ее глазах теперь блестели слезы, которые угрожали вот-вот покатиться по щекам.

– Да неужели? – спросила она. – Кто сказал тебе, что Томас может быть жив?

– Никто, – ответил Джесс и рассказал ей вкратце историю о незаконной книге и о том, как поведал все Вульффу, Санти и Глен. – Санти беспокоится о том, что теперь все мы можем совершить какой-нибудь необдуманный поступок. Сказать честно, он может быть прав.

Халила снова подошла к своему креслу и села, а затем растерянно промокнула глаза рукавами своей мантии. Моргнула несколько раз, и слезы исчезли, а глаза вновь заблестели уверенно и серьезно.

– И ты в это веришь? – спросила она у Джесса. – Ты в этом уверен?

Она хотела, чтобы Джесс вел себя разумно, не полагаясь лишь на эмоции. Он задумался на мгновение, собираясь с мыслями, а потом произнес:

– Думаешь, я веду себя как адвокат Дьявола?¹² Но да, ты права, все выглядит точно как обман, к каким любит прибегать архивариус, – признался Джесс. – И, быть может, он бы специально все устроил так, чтобы я потратил несколько месяцев, стараясь изо всех сил раздобыть эту информацию. Так что нет, я не до конца уверен. Пока не уверен. Вероятно, мы вообще никогда не будем уверены до конца. Вероятно, нам остается лишь рискнуть.

– Ты должен быть уверен, – сказала Халила. – Если это ловушка...

Она не сказала прямо, что сама многого может лишиться из-за подобной авантюры, однако Джесс и так прекрасно это понимал.

– Нам нужно отыскать документы о том, где Библиотека содержит своих самых опасных преступников, – сказал он. – Только вот я не знаю, как их искать, так что полагаю, здесь потребуется твоя помощь. Ты находишь информацию лучше всех, с кем я знаком.

– Не сомневаюсь, – на щеках у нее появились ямочки, когда она очаровательно улыбнулась, молча над ним насмехаясь. – И ты хочешь, чтобы я этим занялась?

– Осторожно. Халила, я серьезно: осторожно.

– Разумеется, я понимаю, как это рискованно. – Она сделала паузу, а потом снова села ближе к Джессу, сложив руки на коленях. – Джесс... Проведя последние несколько месяцев здесь, в маяке, до меня дошли... тревожные новости насчет профессора Вульфа. Что он сам не свой или даже...

---

¹² Адвокат Дьявола – тот, кто намеренно вступает в спор ради спора.

– Что ему не хватает парочки книг до полной Библиотеки? – закончил за нее Джесс, в ответ на что Халила кивнула. – Это правда, он пережил жуткие вещи до того, как мы с ним познакомились, и они оставили шрамы у него на душе. Однако я не считаю, что его рассудок сломлен настолько, что его не спасти, и уверен, что мы можем на него рассчитывать. Все становится на свои места. Томас обладал – обладает – слишком большим талантом, чтобы Библиотека вот так просто от него отказалась. Его захотят *использовать*. Разве это не разумно?

– Может быть, – сказала Халила. – Или же мы просто не можем поверить, что кто-то способен уничтожить такой талант. Такого... такого хорошего человека, как Томас. – Когда она это произнесла, ее прекрасная улыбка снова исчезла, и Джессу было больно видеть ее печаль.

– У нас есть лишь два варианта, – сказал он. – Мы можем поверить в то, что он мертв, или же поверить в то, что он жив. Верить в то, что он мертв, безопаснее, но...

– Но так жестоко, – прошептала она. – Что, если он жив? Страдает? Ждет, что мы придем к нему на помощь, а мы не приходим?

Джесс кивнул. Он не мог постоянно не думать о том, что Томас Шрайбер сейчас где-то ждет и надеется, что друзья спасут его.

– Именно поэтому я не могу просто оставить все как есть, Халила, и неважно, ждет ли нас ловушка или нет, – сказал Джесс. – Я просто не могу все забыть и жить дальше. И я не стану тебя просить ни о чем помимо этого небольшого поиска...

– Не будь дураком, – прервала его Халила, и улыбка снова появилась у нее на губах, на этот раз куда более уверенная – и более хитрая, – чем раньше. – Ну разумеется, я сделаю все, что в моих силах. Это единственное верное решение. Однако может потребоваться время. Я говорю так не потому, что боюсь рисковать, а потому что, если совершу какую-нибудь ошибку, меня могут увести лишь дальше от необходимой информации. Нужно все сделать медленно, ради нас всех. Однако, когда придет время вызволить Томаса, Джесс, я отправлюсь с тобой, конечно же. Тебе не нужно даже просить меня об этом.

У Джесса в груди все сдавливало от напряжения и стресса, а теперь он вдруг почувствовал, как это напряжение ослабевает, сменяясь волной облегчения. Однако потом его охватило другое неприятное чувство. Тревога.

– Я не шучу, будь очень осторожна, – повторил он. – Томас... Я не хочу рассказывать тебе, почему его задержали, эта информация подвергнет тебя лишь большей опасности. Однако Библиотека сделает все, чтобы скрыть ото всех то, что он изобрел. Я не хочу, чтобы и ты тоже оказалась где-нибудь в темнице, оказалась...

– Арестована? – закончила фразу за него Халила, выгнув брови. – Да, я бы тоже хотела избежать подобного. Не уверена, что я поведу себя смело.

Джесс в этом сомневался. Душа у Халилы была как алмаз: сильная, яркая, без единой царапины. Однако даже алмаз может разбиться, и Джесс не хотел стать причиной столь жуткого события.

– Я серьезно, – снова сказал Джесс. – Никому не доверяй. Вчера кто-то пытался убить профессора Вульфа, и им было плевать, кто может случайно погибнуть вместе с ним. Как тогда, когда мы были всего лишь студентами.

– Кто-то? – переспросила Халила и едва заметно наклонила голову. – Джесс. Не обращай со мной, как с идиоткой. Мы оба прекрасно знаем, кто стоит за всем этим.

– Архивариус, – произнес он. – Вряд ли, конечно, нам когда-либо удастся это доказать. У него наверняка целая сеть марионеток, от которых он без угрызений совести готов избавиться, если что, и уже оборвал ниточки некоторым из них, которые могли вывести на него.

Халила молчала несколько долгих мгновений, глядя на вид за окном – на возвышающуюся пирамиду серапеума, как понял Джесс, золотая верхушка которой сверкала в лучах восхода, словно второе солнце.

– Какая трагедия, – произнесла наконец-то она. – Великая библиотека должна была быть светом, возвышающимся над тьмой. Однако мы сбились с пути. Мы бродим во мраке. Пора это изменить.

«Пора это изменить». – Морган говорила то же самое снова и снова, и Джесс буквально услышал ее разочарование, отдающееся эхом в голосе Халилы.

– Что ж, если что-то и пора изменить, – сказал Джесс, – именно мы должны сделать все, чтобы это произошло.

– Потому что революция редко начинается с тех, кто стоит у власти. – Халила опять повернулась к Джессу, и ее уверенная улыбка снова украсила ее губы. – Да. Я читала историю. Однако нам незачем говорить абстрактно и философствовать, Джесс. Как дела у тебя самого? Это нечестно, что твои знания и таланты пропадают в казармах. Ты достоин куда большего!

Джесс усмехнулся.

– У меня все хорошо, – сказал он. – Ты меня знаешь. Я всегда выживаю.

– Ты не должен просто выживать!

– Говорят, страдания делают нас сильнее, – ответил Джесс. – Глен оказалась отличным руководителем, кстати. Она быстро поднимется по службе. Я не сомневаюсь.

– А ты?

Джесс, не сдержавшись, засмеялся:

– Нет, спасибо.

– Хотелось бы мне знать способ вернуть тебя сюда. Мне кажется, ты скучаешь по этому. – Она указала на свой кабинет. Тот выглядел простенько: рабочий стол, полки, бланки. Несколько бесценных подлинных книг аккуратно стояли за стеклом. Взгляд Джесса замер на книгах, и он тут же почувствовал кое-что: тоску. Ему захотелось взять книги в руки, ощутить текстуру переплетов, почувствовать запах страниц. С помощью книг можно было делиться мыслями, делиться тем, что на душе друг у друга, невзирая на время и пространство.

Джесс и правда скучал по всему этому. Отчаянно скучал.

– Я в порядке, говорю же тебе. Как Дарио? Вы двое... до сих пор друзья?

Халила пожала плечами.

– Дарио – надменная задница.

– Значит, вы до сих пор общаетесь.

В ответ на это Халила, не стесняясь, рассмеялась, и Джесс был рад видеть радость на ее лице.

– Мы понимаем друг друга, – сказала она. А потом моргнула, и радость исчезла с ее лица. – Кстати, раз уж речь зашла о понимании... Ты слышал что-нибудь о Морган?

Джесс не хотел врать Халиле снова, но все-таки соврал. Это ведь была ложь ради защиты Морган, если уж на то пошло.

– Морган вряд ли удастся когда-нибудь покинуть стены Железной башни, – сказал он. – Ты отлично об этом знаешь. – «И все из-за меня. Она могла бы сбежать. Может быть, ей бы удалось».

– Мне так жаль. Я знаю... – Халила сделала паузу, кажется, пытаясь подыскать нужные слова. – Я знаю, как она была важна для тебя, хоть ты и пытаешься это скрыть.

Джесс ничего не ответил. Сочувствие, которым был наполнен голос Халилы, заставил Джесса чувствовать себя еще хуже, как будто то, что он сказал, было правдой. И быть может, это и было правдой вопреки всему, во что ему хотелось верить. Морган может навсегда остаться для него лишь словами, появляющимися на страницах его кодекса, точно как те подлинные книги, скрытые за стеклом.

– Джесс, – Халила выдернула его из размышлений, – помнишь, что говорил нам профессор Вульф? «Все возможно. Невозможное занимает лишь больше времени».

– Глупое высказывание.

– Однако на удивление верное. Как мне с тобой связаться? Не через кодекс, полагаю.

– Бумажное сообщение, – сказал он. – Но не пиши ничего, что не должен знать архивариус. И передавай записки только с теми, кому ты полностью доверяешь. Больше ни с кем.

– Я скучала по тебе. Мы наконец-то можем снова стать друзьями. Я так сильно скучала по тебе, Джесс. – Она снова заключила его в свои объятия, и Джесс обнял ее в ответ. Каким-то невероятным образом дружба с ней, Дарио, Глен, Морган и Томасом... стала для него куда важнее, чем дружба с братом-близнецом, которого он знал с рождения. «Я подвел Морган, – подумал Джесс. – Но их не подвел. И в этот раз не подведу». – Хочешь, чтобы я рассказала Дарио про Томаса?

– Нет. Я сам расскажу. Он здесь? В маяке?

– Да, он тремя этажами ниже, в офисе профессора Пракеш. Работает в качестве ее помощника. Собираешься его навестить?

– Это тебя удивляет?

– Немного. Буду честна, никогда бы не подумала, что вы двое будете ходить друг к другу в гости, как два разумных взрослых человека. Расскажи ему. Он захочет помочь так же, как и я. – Халила похлопала Джесса по щеке, почти что как матушка. – Вы двое так похожи.

– О-о, так теперь, получается, я тоже надменная задница?

– Ну разумеется, – ответила Халила и улыбнулась достаточно широко, чтобы ямочки на щеках появились снова. – Чертовски умен, безумно смел. Мой любимый типаж. А теперь унеси половину этих пирожных, пока я не съела все и у меня не заболел от них живот!

Джесс забрал почти все коробки с собой и спустился по лестнице на три этажа вниз. Он никогда не слышал о профессоре Пракеш, однако ее офис занимал немало места, и когда Джесс звякнул в колокольчик, то удивился, увидев, что дверь ему открыл не Дарио, а пожилая женщина в ярко-розовом сари¹³ с золотой окантовкой, виднеющейся под ее черной профессорской мантией.

– Профессор Пракеш? – спросил он и вежливо поклонился. Она улыбнулась в ответ и едва замечено кивнула. – Пожалуйста, простите за беспокойство. Вы любите миндальные пирожные?

Профессор внимательно всматривалась в лицо Джесса, когда он говорил, и, к его изумлению, начала быстро жестикулировать руками в ответ. Джесс узнал язык, хотя и не говорил на нем: язык жестов. Он попытался изобразить недоумение так, чтобы не показаться глупым, и, видимо, ему это не удалось, потому что профессор вздохнула и хлопнула в ладоши.

Как будто появившись из ниоткуда, Дарио Сантьяго выглянул из соседнего кабинета. Он вскинул брови, когда увидел на пороге Джесса с коробками. Пока профессор Пракеш повторяла жесты, Дарио внимательно смотрел, а затем произнес:

– Профессор Пракеш говорит: «Юноша, вы зря тратите на меня свое очарование, однако пирожные мне пригодятся. А вы?..»

Джесс был достаточно сообразителен, чтобы в ответ обратиться к профессору, а не к ее переводчику, и снова поклонился.

– Меня зовут Джесс Брайтвелл, я солдат библиотечного полка. Для меня большая честь с вами познакомиться.

Дарио молча ждал, пока Джесс все скажет, а профессор ему снова ответит, а затем опять перевел:

– «Это только потому, что вы еще меня не знаете. Входите. Я полагаю, вы здесь для того, чтобы поговорить с моим рассерженным юным помощником». – Дарио рассмеялся. – Она имеет в виду меня.

– Именно поэтому, профессор. Спасибо.

---

¹³ Сари – традиционная женская одежда в Индии.

Пракеш снова ответила жестами:

– Возможно, вам придется выкапывать его из груды заданий, которые я дала ему сегодня утром. Постарайтесь не слушать его жалобы. – Она потянулась к коробкам, что, очевидно, означало конец их беседы. Затем профессор нетерпеливо вернулась к своему рабочему столу, оставив Дарио с Джессом одних. Джесс воспользовался моментом, чтобы рассмотреть офис профессора получше. Если комната Халилы состояла из стопок бумаг и книг, то здесь явно царил порядок, наведенный давно, поверх которого словно навели новый порядок. Вдоль стен висели меловые доски, исписанные заметками и вычислениями, которые сделали аккуратным почерком, а кое-что было записано округлыми буквами на языке, который Джесс не узнал. В офисе создавалась на удивление спокойная атмосфера, а что еще лучше, все окутывал запах бумажных книг. «Мне хочется здесь просто раствориться», – подумал Джесс. Он ощущал себя в этом месте как... дома.

Дарио сделал нетерпеливый жест рукой, призывая Джесса следовать за ним, и они покинули главный кабинет. Дарио подвел Джесса к двери кабинета слева, вошел, уселся за стол и откинулся на спинку стула, скрестив на груди руки.

– И чего ты тут забыл, Брайтвелл? – поинтересовался Дарио. В отличие от Халилы Дарио очень даже изменился. Он стал более мускулистым и отрастил бородку в испанском стиле, которая делала его старше. Может, даже мудрее. Да и волосы у него теперь были длиннее.

Однако поведение никак не изменилось.

– Вижу, ты по мне скучал.

Дарио недоверчиво на него посмотрел.

– А ты куда-то уходил? Боже мой. Как быстро летит время, когда тебя нет поблизости.

Джесс сел за стол напротив Дарио.

– Ты все такой же очаровательный, – сказал он. – Уже за это я не стану делиться с тобой пирожными. – Казалось странным и в то же время приятно привычным вести теперь их типичные презрительные беседы вместо того, чтобы обсуждать новости касательно Томаса, так что Джесс продолжил: – Не знал, что ты владеешь языком жестов.

– Моя младшая сестра родилась глухой, – сказал Дарио, что удивило Джесса до глубины души. Во-первых, удивляло то, что у Дарио есть сестра, а во-вторых, что он сделал все, чтобы иметь возможность общаться с ней. – Это было одной из причин, из-за которой меня назначили в помощники Пракеш, не считая того, что я такой красивый и очаровательный.

– Что ж, получается, ты всем доволен?

– Доволен, насколько это возможно. Профессор просто чудо. Я каждый день узнаю что-то новое. – Выражение лица Дарио изменилось, став вдруг серьезным, и он подался вперед, уставившись на Джесса. – Почему меня не покидает чувство, что ты пришел, чтобы все испортить?

Джесс постарался изложить все кратко, даже приукрасить. Лицо Дарио превратилось в безэмоциональную маску, пока он слушал Джесса, а глаза сузились и помрачнели. Он больше не улыбался. Не пытался шутить.

– Итак, – сказал Дарио, когда Джесс рассказал все, что знал сам, – мы отправляемся за Томасом. Когда?

В этот момент Джессу Дарио очень нравился.

– Пока не знаю. Держись с Халилой, я сообщу через нее. Помогу с поисками.

– Если нужно будет кого-нибудь допросить, дай знать. Я помогу.

– Имеешь в виду, что будешь держать, пока я бью?

– Нет, – ответил Дарио. – Ты будешь держать, пока я выдавлю всю правду. За *Томаса*.

– Я и не думал, что тебе...

– Он так нравился? – Дарио отмахнулся. – Он один из нас.

Как просто и в то же самое время искренне это прозвучало. Джесс кивнул.

– Дарио, – добавил он, – будь осторожен. Держи ухо остро.

– А кинжал острее? Да, трубочист, я умею думать. И понимаю, с чем мы тут имеем дело. – Дарио положил перед собой листок бумаги и взял в руки ручку. У него дрожали пальцы. Он положил ручку и размял руку, точно та затекла. – Что-то еще?

– Попробуй пирожные. – Джесс уже открыл дверь и собирался уходить, когда Дарио его тихо окликнул.

– Джесс. – Он редко называл его по имени. – Думаешь, ему причиняют боль?

– Да, – ответил Джесс. – И думаю, ему продолжат причинять боль, пока мы не спасем его. Так что давай его спасем.

Джесс закрыл за собой дверь, вежливо попрощался с профессором Пракеш – этот жест он, по крайней мере, знал – и отправился вниз по лестнице. Он уже наполовину спустился, когда в кармане опять зазвенел кодекс, привлекая внимание, и Джесс остановился посреди лестницы, чтобы открыть книгу и проверить оповещение, пока люди недовольно его огибали на ступеньках.

Сообщение пришло от Глен и было написано угловатым, нетерпеливым почерком. «Тащи свою задницу обратно в казарму, пока кто-нибудь не заметил, что тебя нет. СЕЙЧАС ЖЕ». Последнее было подчеркнуто злой черной чертой. Джесс буквально почувствовал гнев и беспокойство, веявшие от страницы.

Он достал стилус и ответил: «Уже иду».

Записки

Текст трактата Герона Александрийского, повествующего об использовании механических стражей на службе у Великой библиотеки, написанного во втором веке существования Великой библиотеки в ответ на незначительный ущерб, нанесенный александрийскому серапеуму вандалами

...А что касается механических стражей, то я не вижу причин, по которым такие приспособления не могут использоваться для отпугивания злодеев, стремящихся нанести ущерб территории Великой библиотеки, а также музеям, университетам и зоопаркам. Еще было бы забавно сконструировать эти механизмы в образе созданий как знакомых, так и сказочных для нас. Львы издавна считались благородными животными, обладающими огромной силой и жестокостью; я полагаю, механический лев отпугнет любого посредственного вандала, ищущего легкой добычи, а также львы будут отлично отражать идеи Библиотеки.

Подобным образом можно использовать сфинксов, ибо эти мудрые легендарные создания являются символом монаршей власти и силы. Если позабавиться, можно создать и механических змеев, которые будут красться среди колонн, а стражи в виде коней могли бы в один прекрасный день носить наших солдат на сражения. Только подумайте, сколько открывается возможностей!

Настоящим я даю начало новому разделу исследований, связанных с данным вопросом, и ставлю целью развитие подобных методов обороны Великой библиотеки и всех, кто понимает и поддерживает нашу благородную цель. Разумеется, все это необходимо будет проводить втайне. Такие устройства не могут быть использованы, если их внутреннее строение и работа станут достоянием общественности.

Да благословят наши старания боги, да прогонит свет тьму.

Глава пятая

Чтобы покинуть маяк, в итоге пришлось дожидаться, пока большая компания профессоров будет выходить одновременно. Джесс быстро слился с толпой, словно был одним из них, предложив одному низенькому, пузатому мужчине помочь донести тяжелое оборудование, чем тут же расположил того к себе. Добравшись до конца улицы и вернув вещи, Джесс побежал обратно в военную часть библиотечной армии. Пробежка этим ярким, теплым утром показала ему даже приятной.

Когда Джесс вернулся, то поспешил найти Глен. Ее комната оказалась пустой, однако Джесс в конце концов приметил ее шагающей по коридору в компании капитана Фенг. По лицу Глен невозможно было догадаться, что у нее на уме, но Джесс сомневался, что она проводит время с капитаном, потому что ей это нравится. Да и разговаривал, кажется, лишь капитан.

Вопреки беспокойству Глен никто, очевидно, не заметил отсутствия Джесса и не собирався давать ему никаких заданий, так что он воспользовался моментом, чтобы насладиться сном, которого ему так не хватало, а затем решил заняться чтением. Когда Джесс вышел в коридор, то осознал, что дверь комнаты, расположенной наискосок от его собственной – комнаты Тарика, – распахнута настежь. Джесс уже было сделал несколько шагов вперед, чтобы зайти поздороваться, когда вдруг в его голове ожило воспоминание того, как бездыханный Тарик лежал у каменной стены. «Тарик мертв», – и кто-то другой находится в его комнате. Джесс тут же замер на полпути.

В комнате оказались близкие друзья Тарика, Ву и Брансом, которые собирали его немногочисленные вещи. Джессу казалось, его бьют по сердцу молотком, когда он наблюдал, как солдат Брансом, коренастая и мускулистая юная девушка, похожая чем-то на Глен, вытирает слезы, взяв в руки личный журнал Тарика с его именем, выгравированным на обложке. Обложка даже издали, откуда наблюдал за происходящим Джесс, явно была испачкана кровью, и Брансом начала нещадно ее оттирать рукавом собственной рубашки. У нее дрожали руки.

«Кто-нибудь запишет финальные строки в этот журнал, – подумал Джесс, – в деталях описав время и обстоятельства, при которых погиб Тарик». Быть может, там даже упомянут имя Джесса. А потом все это прочтут родные Тарика, будут плакать, зачитывать строки на церемонии прощания, а затем отправят журнал в библиотечный архив, где он навеки станет частью знаний, принадлежащих человечеству. В каком-то смысле станет бессмертным.

«В конечном итоге мы всего-навсего книжные страницы на полках». – Джесса внезапно охватила непримиримая злость, потому что, каким бы честным и искренним ни был Тарик, когда делал записи в своем журнале, они не смогут передать то, каким он был в жизни в полную меру: ни его острый юмор, ни то, как хитро он умел жульничать в игре в кости, ни то, какие двусмысленные шуточки высказывал время от времени. Словами нельзя по-настоящему описать, как он умер. Да и ради чего? Тарика больше нет, а Джессу до сих пор мерещится, как он наводит палец и спускает курок, как Тарик припадает к той стене, у которой потом и умрет. И неважно, что пуля, выпущенная Джессом, сама по себе не стала фатальной; она все равно оставила его друга беспомощным, когда вскоре за ним пришла смерть.

Брансом неожиданно подняла глаза и увидела Джесса. Она выглядела разбитой и беззащитной, и слезы катились у нее по щекам... А потом Джесс увидел скрытую за этими слезами пылающую злость.

Она захлопнула дверь у него перед носом.

Остаток дня Джесс провел в мрачном расположении духа, отправившись в военный серапеум – небольшой зал, где стояли несколько книжных стеллажей с бланками, в которые были загружены наиболее востребованные книги, а также одну из полок занимали пустые бланки, ожидавшие своего часа. Джесс взял бланк из пустой секции и сел, достав свой кодекс, чтобы просмотреть список книг, которые были ему нужны. Он помнил благодаря безжалостным занятиям профессора Вульфа об огромных списках литературы, составляющих общественную коллекцию Великой библиотеки, что существовали несколько произведений по истории, которые пусть и не очень детально, но описывали преступления, совершенные против Библиотеки. Быть может, кто-нибудь где-нибудь да оставил некую подсказку относительно того, где искать тайную тюрьму. Попытка изучить эти произведения не будет лишней.

А самое главное, Джесс хоть и знал, что кто-то наверняка следит за тем, какие книги он запрашивает, он позаботился о том, чтобы его список для чтения содержал немало исторических трактатов. Даже если архивариус взглянет на прочитанные Джессом книги, ничего не будет выглядеть подозрительным.

И все же Джесс скучал по тому чувству, когда держишь настоящую книгу в руках. Он так привык иметь возможность читать подлинники: в разных переплетах, в кожаных и тканевых обложках, с тяжелыми бумажными страницами, от которых веяло историей... Такие книги в руках ощущались совсем иначе, нежели бланки, каждый из которых казался... стерильным. Слова в них можно было с легкостью удалить и заменить другими, и от этого они теряли свою власть, свое влияние. Джесс теперь понял, что является бунтарем, изгоем даже здесь, среди тех, кто любит Великую библиотеку.

Еще одна причина, по которой следует всегда быть начеку.

Джесс погрузился в чтение и делал для себя рукописные заметки на отдельном листке бумаги, когда почувствовал, что кто-то стоит очень близко к нему. Подняв голову, он увидел Гаррета Ву и Виоллету Брансом и понял по их лицам, что они пришли не для того, чтобы по-дружески поболтать.

Джесс отодвинул книгу с ручкой, а затем поднялся на ноги, повернувшись к товарищам лицом.

– Это не я сделал, – сказал он. – Тарика застрелил кто-то сверху. Спросите у сержанта Бота.

– Ты выстрелил в него первым, – сказала Брансом (никто никогда не звал ее Виолеттой, а Тарик придумал ей прозвище, Войналетта, в первый же день) и одним толчком заставила Джесса сесть обратно на стул. Джесс не стал сопротивляться. Сидя, он имел преимущество – возможность ударить по коленям противников и сломать кости. – Я все видела. Он упал, когда в него выстрелил ты.

– Он целился в профессора. Знаешь, в одного из тех, кого мы поклялись защищать любой ценой? Ты что, хочешь сказать, что на моем месте поступила бы иначе?

– Ты лжешь, – сказал Ву. Он не был плохим парнем, и Джесс обычно неплохо с ним ладил, однако, видя сейчас на его лице беспристрастное, сердитое выражение, Джесс понял, что поладить сегодня точно не получится. – Тарик бы ни за что не предал нас. И он бы ни за что не стал стрелять в профессора. Это немыслимо!

Они ни за что не примут правду такой, какая она есть, и Джесс не мог винить их в этом. Тарик был дружелюбным человеком, нравился всем. Джессу и самому с трудом удавалось не привязываться к Тарику. Ему хотелось оставаться в стороне ото всех после того, как он потерял друзей, с которыми вместе учился.

И вот что он заработал в попытках оставаться в стороне.

– Я говорю вам правду, и Бота подтвердит, как умер Тарик. Стрелял ли я в него или нет, не играет никакой роли. Я не убивал его! Его убил снайпер на крыше.

– А ты думаешь, что выполнял свой долг, – сказал Ву. Он с силой сжал руки в кулаки и мрачно смотрел на Джесса в упор. Джесс понимал, что означает этот взгляд. Он видел этот взгляд Ву прежде. Однако Джесс краем глаза следил и за Брансом, потому что обычно она становилась зачинщиком драк. – И ты поступишь так снова, верно? С любым из нас.

– Да, я поступлю так снова, если понадобится спасти жизнь профессора. И вы поступите так же! – Джесс начинал сердиться, буквально чувствовал, как пламя разрастается у него внутри. – Тарик работал на врагов. Может, даже не только он.

Взгляд Ву стал опасно темным, когда он спросил:

– Ты что, назвал нас *поджигателями*?

Джесс понимал, что нельзя придумать большего оскорбления, чем подобное, однако уже некуда отступить назад да и смысла пытаться нет. Ни Брансом, ни Ву не стали бы его слушать, они уже приняли решение и не станут менять свою точку зрения. Джесс лишь зря тратил время и силы.

Поблизости не было никаких других солдат. Драки между служащими одного звания не были теоретически запрещены, если свидетелями того не были старшие по званию. Брансом уже собиралась ударить, как решил Джесс, и поэтому он приготовился разбить ей левую коленную чашечку, однако в следующий миг у двери послышался спокойный голос, который произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.